

Мемориальное издание

ГЕОРГИЙ МОВЕРМАН
(ЛУКА ШУВАЛОВ)

ПРОЩАЙ, СЕСТРИЦА КОСТРОМА

Избранные стихи и рассказы

Москва
«Пробел-2000»
2020

УДК 821.161.1-1 Моверман
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5
М74

Составитель и редактор —
Леонид Гомберг
при участии
Ларисы Артемовой-Моверман

Фото
Владимира Дуленкова
и из личных собраний одноклассников
Г. С. Мовермана

Дружеский шарж —
Владимир Мочалов

Резьба по дереву —
Валерий Федосеев

Моверман Георгий Самуилович

М74 Прощай, сестрица Кострома : Избранные стихи и рассказы / Сост. Л. Гомберг; предисл. И. Радчик, А. Дубиняк. — М.: Пробел-2000, 2020. — 208 с. : ил.

ISBN 978-5-98604-759-1

В книгу вошли избранные стихи и рассказы, написанные Г. Моверманом в Москве и Костроме в период с 2014 по 2019 год и собранные его школьными товарищами в память о безвременно ушедшем друге. «Ушедшего в иной мир человека каждый помнит по-своему. Мы знали его таким, каким теперь представили читателю. Ну а попытаться понять его может каждый, кто прочтет эту книгу».

ISBN 978-5-98604-759-1

СОХРАНИТСЯ ПАМЯТЬ НА ГОДЫ

Возвращаются все,
кроме лучших друзей...

В. С. Высоцкий

Жора входил в круг моих самых близких друзей с сентября 1963 г. и до того трагического дня 20 мая 2019 г., когда он неожиданно покинул этот мир. Это был человек очень одаренный, многогранный и полный противоречий.

С одной стороны — абсолютный гуманитарий, образованный, прочитавший очень много книг, наизусть знающий отрывки из различных произведений известных классиков, а с другой — технарь, получивший неплохое техническое образование и с интересом работающий на различных промышленных предприятиях.

Оба этих качества пригодились в 1985 г. при нашем с Жорой совместном издании учебного пособия «Ремонт зарубежных газоперекачивающих агрегатов», которое, кстати, и по сей день остается единственным учебником по этому направлению, несмотря на многократное увеличение количества зарубежных газоперекачивающих агрегатов на объектах Газпрома.

Несомненно, лучшими годами нашей дружбы были школьные, когда мы были юными, веселыми, независимыми, играли в футбол, ходили в походы, пели песни Окуджавы и Высоцкого и думали только о хорошем. Крепкая дружба связывала наш мужской коллектив...

Конечно, с годами, человек взрослеет, у каждого из нас появились семьи, работа, свои интересы, свободного времени для общения становится все меньше и меньше, но когда между бывшими друзьями исчезает взаимопонимание, то настоящая дружба исчезает, а остается только формальное, редкое общение по большим праздникам. Так, к сожалению, произошло и с нашим дружным коллективом.

Между мной и Жорой взаимопонимание по большей части оставалось во всех вопросах, в том числе и в производственных, так как мы работали последние десять лет на одном предприятии.

К сожалению, у Жоры не сложилась семейная жизнь, что особенно усугубилось в последние годы и, несомненно, плохо повлияло на его психологическое состояние. Именно по этой причине он был вынужден уехать из Москвы в г. Нерехту под Костромой, а затем и в Костромой, где он прожил более трех лет. Но в это сложное для себя время он полностью ушел в литературу: начал очень активно писать стихи, а затем и прозу. Были изданы несколько книжек его произведений, среди которых есть по-настоящему талантливые. Мы решили издать сборник избранных стихов и рассказов Жоры, которые сами отобрали, для того, чтобы память о нем сохранилась на долгие годы у тех людей, которые искренне его любили и уважали.

Игорь Радчик

Наше знакомство произошло 1 сентября 1963 года, когда мы оказались в девятом классе старой московской школы №279, в районе Церковной горки, где пересеклись пути истории Москвы: села Алексеевского с улицей Извилистой по берегу реки Копытовки, ныне взятой в трубу, — со Звездным бульваром, аллей Космонавтов, обелиском «Покорителям космоса». Собранные из разных московских школ, мы приглядывались друг к другу в надежде понять, куда нас занесло, с кем и как будем общаться в следующие три года нашей учебы в школе.

Невысокий упитанный паренек выделялся своей активностью в общении со всеми, включая преподавателей. Он не был навязчивым; всегда с юмором, с шутками Жора стал органичной, неотъемлемой частью нашего классного сообщества.

Начитанный, неплохо разбирающийся в литературе, музыке, живописи, он уверенно справлялся со школьной программой. Жора всегда был интересным собеседником. Он мог посоветовать, какую книжную новинку стоит почитать. Он не только рассказывал об истории музыки, но и, удивляя окружающих, свободно воспроизводил мелодию из многих кинофильмов, популярных в те годы. Ну а с появлением «Битлз» всякие наши встречи он сопровождал ритмами и песнями этой группы. И в то же время парень далеко не спортивного телосложения с азартом участвовал в туристических походах, в футбольных матчах не только во дворе, но и в школьных коридорах на переменах.

Жора был незаменим при подготовке и играх нашей команды в КВНах, «капустниках». Отдельная тема — работа над номерами новогодней газеты, которые и по сей день остаются живыми свидетелями нашей школьной жизни. При этом Жора никогда не упускал возможность пошутить, порой через край. Однако чаще всего это вызывало смех, — сердиться на него всерьез было просто невозможно. Уже через минуту — новая прибаутка, стишок собственного сочинения, частушка, ве-

селяя улыбка. Он и сам никогда не был злопамятным, даже потом, в трудных жизненных ситуациях. Еще в школе, и после в институте и на работе, он с юмором относился к людям, часто давал острые, довольно точные характеристики, но никогда в них не было и тени злобы или обиды. Скорее наоборот, он старался оправдать даже людей, которые доставляли ему серьезные неприятности.

Пролетели школьные годы, пришло время учебы в институте. Жора и там легко находил общий язык с сокурсниками. При встречах с одноклассниками он, как всегда, с юмором рассказывал о новых знакомых. Чувствовалось, что они заметно отличались от нашего «классного сообщества». Как оказалось, взрослая жизнь не была похожа на песни под гитару, частушки и байки среди школьных друзей.

Шли годы... После института — распределение на солидное предприятие, последующая работа в газовой отрасли, где Жора пользовался неизменным уважением коллег. Он был своим в любом коллективе. Но никогда не опускался до подхалимажа начальству, никогда не шел напролом к своей личной цели.

С годами проявилась хозяйственная жилка. Часто с любовью говорил он о благоустройстве дачи, сборе и засолке грибов. Ну а его умение готовить обед друзья могли оценить не единожды.

Перестройка и дальнейшие события в стране принесли коренные перемены в политике, экономике, социальной структуре общества, что, прежде всего, отразилось на людях, их взаимоотношениях как в деловой сфере, так и быту. Жора не потерялся в жизни, как многие наши сверстники, хотя работа не всегда соответствовала уровню его подготовки, порой он не ощущал стабильности, уверенности в завтрашнем дне. Да и в семейных отношениях появились проблемы. На этом фоне обострились болезни, пошаливало сердце...

Нет, внешне наш балагур почти совсем не изменился, но за его улыбкой все яснее чувствовалась какая-то усталость,

грусть. Все чаще это проскальзывало в разговорах с друзьями. Уже не было рядом родителей, близких родственников — кто-то ушел из жизни, кто-то уехал из страны. Однако, по словам Жоры, его всегда поддерживала беззаветная любовь к внучке Зиночке (ей, кстати, посвящены несколько его стихотворений) да непременные встречи с «ближним кругом» друзей. С помощью друзей удалось решить и вопрос с работой, которая отвечала его устремлениям в те годы. На работе он, как и прежде, был в центре внимания и как специалист, и как душа коллектива. Личные проблемы, однако же, обострялись. Жора решил уехать из Москвы, невзирая на уговоры друзей. Красота российской глубинки, новые знакомства, активизация литературной деятельности не могли успокоить его, что со временем становилось все более очевидным. Радость первых впечатлений скоро потускнела, все чаще в его рассказах слышались критические нотки, временами в нем ощущалась тоска и обида.

Ушедшего в иной мир человека каждый помнит по-своему. Мы знали его таким, каким теперь представили читателю. Разумеется, невозможно в короткой заметке рассказать о таком незаурядном человеке, каким был Жора. Ну а попытаться понять его может каждый, кто прочтет эту книгу.

Андрей Дубиняк

ОТ РЕДАКТОРА

Георгий Моверман писал стихи с детства, со школьной скамьи — уж точно. Его друзья порой цитируют что-то забавное из его школярских опытов начала 60-х годов. Однако только в 2014 году в его сознании, мыслях, творчестве произошел настоящий взрыв. С этого времени он начал писать взахлёб — лирику, юмор, рассказы, приступил к повести. Большинство произведений Г. Мовермана, включенных в эту книгу написаны в том, недавнем, году. В 2015-м он покидает Москву и переезжает в Кострому, ставшую для него главным домом, во всяком случае, в литературном смысле слова «дом». В последующие годы он пишет уже не так много; его стих постепенно обретает уверенную стилистическую основу, более естественные, живые краски. Он пробует себя в разных поэтических жанрах: лирике, юморе, пародии, переводе, даже пишет слова песен. При этом Г. Моверман много печатается, в основном, конечно, в интернете на популярных сайтах, часто используя свое школьное прозвище «Лука», под псевдонимом «Лука Шувалов». Работающие «по интернет-соседству» авторы, а также тамошние читатели живо, по-свойски, порой грубовато встретили собрата, сразу признав его своим. В сети им опубликовано более 300 произведений — поэтических и прозаических.

Жизнь Георгия Мовермана оборвалась внезапно, на взлете; он был буквально переполнен новыми планами, идеями, литературными проектами...

В эту книгу памяти нашего друга мы собрали лучшие стихотворения и рассказы и расположили их в жанровом и хронологическом порядке, что должно наглядно представить читателям этого литератора в его творческом развитии. Мы хотим, чтобы Георгий запомнился всем таким, каким он остался в наших сердцах, в нашей памяти.

О СЕБЕ

Я поэт-любитель достаточно зрелого возраста.

По профессии — инженер, долгое время работал в авиационной, газовой промышленности, сейчас на пенсии, но продолжаю трудиться на станкостроительном предприятии.

Урождённый москвич, однако в настоящее время осел в Костроме.

Здесь вышли мои книжки стихотворений «Как умею, так пишу», «Троестишия», «Частная галерея триптихов» и прозы «Такое тёплое былое».

В сентябре 2016 года в Санкт-Петербургском издательстве «Скифия» вышел сборник «В начале всех миров» (антология живой литературы), где помещён раздел из семнадцати моих стихотворений.

Участвую в поэтической жизни Костромы и Ярославля, в общем, пишу, как умею о том, что вроде как знаю...

До недавнего времени публиковался под псевдонимом Лука Шувалов, но теперь, думаю, особенного смысла в этом нет, тем более в Костроме меня знают под моими настоящими именем и фамилией.

Всем удачи и здоровья!

2017

БЛИЗКИЕ МНЕ ЦИТАТЫ:

«Жизнь — это чётки, составленные из мелких невзгод,
и философ, смеясь, перебирает их»

Александр Дюма

«Правильно прожитая жизнь вся должна состоять из учения»

Борис Акунин

«На свете есть столь серьёзные вещи, что говорить о них можно только шутя»

Нильс Бор

«У меня стих любительский, огурчик...»

Перефразированный Безенчук

Я пишу, кормлюсь не этим,
Кстати говоря, технарь,
День рожденья в интернете:
Год четырнадцать, январь.

Дату я не помню точно,
Кажется мороз крепчал...
Вдруг решил, что надо срочно
Выдать, что насочинял.

Нужен старенький компьютер,
Word, строчащий кое-как –
Может, что-то и кому-то
Вдруг понравится в стихах.

С няней я не пил из кружки
Лимбургский не кушал сыр,
Точно знаю, я – не Пушкин,
А скорее, сукин сын...

Да ко мне и не пристанет
Имя гордое «поэт»,
Как и всё, мой стих оставит
В книге Божьей мелкий след.

На Руси поэтов много,
Толку мало: гам да шум!
Не судите меня строго,
Как умею, так пишу.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Лирика

Бор в Мышкине: сухая чистота
Колонн шершавых золото и умбра.
Макушек зелень оживляет утро.
В Охотине церквица без креста...

Не помню, отражался ли в реке
её зигзаг унылый, серо-белый?
И по кому дрожащим медным телом
Трезвонил колокол за Волгой вдалеке?

Родник был там: под радугой пузырь,
Окружностью стеснённый бочки врытой;
Черпак железный с донышком отмытым
от краски мрачной...

Верхневолжья ширь:

Ширь светлая, ширь леса, ширь воды,
Не плоская сухая, не степная,
Где глаз, не видя истинного края,
Рождает ощущение беды.

А здесь душа, как лист сухой, легка
В весёлом предрешении уюта,
Исчезнет враз докучливая смута –
Ты пуст, как пуст черпак у родника.

Наполнишься ли утром влагой той,
Той влагой горьковатой родниковой,
Для жизни неизведанной и новой
Иль морока в обнимку с суетой?..

Печаль ушла: ведь нынче ты живёшь!
А завтра будет не сегодня — позже...
«Ты плащ мой приготовила? Вдруг дождик...
Ты разве за брусничкой не пойдёшь?»

На домик у реки бросаю взгляд
И больше не смотрю, походом полон.
Бор впереди, где старых елей полог,
Где губка мха и сосен чистый ряд...

2014

ВЕСЕННИЙ РОМАНС

Весна! Пройтись бы что ль шальным котом
От Вешняков до самого до Выхино,
И пыльное из дому что-то выкинув,
Жалеть об этом осенью, потом.

Умыться, не спеша, как любит кот,
Процеженным сквозь ветки ярким светом,
Весенним солнцем щедро подогретым,
Глаза тревожащим ручьями слёзных вод.

Котом подъездным врезаться в любовь,
Орать на крыше гнусно и противно,
Звать звуками гормонов вольных гимна
на подвиг местных кобелей и казанов.

И метить все пространства *наподряд*,
Янцзы потоков жёлтых не жалея,
Но, говорят, коты домашние жиреют,
Хотя живут они подольше, говорят...

2014

ДЕВОЧКА В ОЧКАХ

(«Голос. Дети»)

Ирине Морозовой

«Non, rien de rien!»

Я в спальне — к ночи неодетый...
(Что будет сниться мне? Начхать!)
И вдруг я вижу: «Голос. Дети»,
и эта девочка в очках...

Зачем я случаем заброшен
в мир горькой склоки, чан страстей?
Я ж про политику всё больше,
а не про пение детей.

...Родители — как пред инфарктом;
друзей спасательный отряд.
Все грезят наяву о фарте,
и всуе Господа молят

о даре милости грошовой,
отринув всякий Божий стыд:
мол, «дай чуть-чуть удачи, чтобы
дитя не плакало навзрыд!»

Но суету мой слух в миг вымел —
никчемный сор интриг, карьер —
и мир как будто разом вымер,
лишь только громом: «rien de rien!»

Под этот крик ночной, обвальный,
и не захочешь — воспаришь...
(О, плен страшили гениальной,
которой домом был Париж!)

Разлуки боль, тоски опала...
Все круче, гуще песни тон!
Но где и как она узнала
Божественный любви стон?..

«Довлеет серость поколений,
Россию ждёт ментальный крах!»
Да будет жить страна под пенью
девчонки худенькой в очках!

И с первых звуков песни древней
пижон, пузатый прохиндей,
простушка в стиле «под деревню»
вмиг повернулись чохом к ней.

... А правил я так и не понял
Из их смешливых, бойких фраз.
Но только слёзы на ладони
Я ощутил.

Из чьих же глаз?

2014

ЗАЗДРАВНАЯ

*Интерпретация дуэта «Libiamo ne lieti calici»
Виолетты Валери и Альфреда Жермона
с хором из первого акта «La Traviata» Джузеппе
Верди — величайшей оперы в истории музыки*

Альфред:

Друзья! Поднимите бокалы с шампанским!
Мой тост за любовь поддержите!
Весёлый Париж не заснёт ни минуты,
И мы не заснём вместе с ним.
Забудем страхи, горести,
Сегодня мы танцуем,
Поём и веселимся,
И ночь пройдёт, как сон.
Друзья, осушите бокалы с шампанским!
Пусть ночь эта будет для нас.

Хор:

Эта ночь, ты для нас, ты для нас!
Эта ночь, ты для нас, ты для нас!

Виолетта:

Как верны, как верны слова песни этой,
Их сердце моё повторяет!
Бокал осушу свой до дна вместе с вами,
Пусть властвует в мире любовь!
Забудем страхи ложные,
А завтра будь, что будет!
Цени мгновенья радости,
Нам жизнь дана лишь раз.
Друзья, поднимите бокалы с шампанским!
Мы пьём за царицу-любовь!

Виолетта, Альфред, Хор:

Друзья! Поднимайте бокалы с шампанским!
Париж не уснёт вместе с нами,
Веселье и радость нам ночь озаряют,
Пусть ночь эта длится всегда.

Виолетта:

А есть ли здесь влюблённые?

Альфред:

Они здесь есть, поверьте...

Виолетта:

Слова так безрассудны.

Альфред:

Но то любви слова...

Виолетта, Альфред, хор:

Пусть радость царит в этом доме сегодня,
Мы вместе, друзья, веселимся,
Как рады мы видеть счастливые лица,
Давайте до дна — за любовь!
Да, пей до дна, пей до дна, за любовь!
Да, пей до дна, пей до дна, за любовь!

Хор:

Пей до дна за любовь, за любовь!!!

2014

К УХОДУ

Осень, хлябей небесных парад!
Всё, что было сухим — за минуту намочится,
Ну, давай, прыгай в зиму, ну что ж ты, пора...
— Да пора-то пора, только очень не хочется.

Как-то прожит наш век, что осталось? Часы?
Новый вереск подрос на лужайках под соснами,
Отсвистали ветра, отгудели басы,
Кто был прежде детьми, стали скучными взрослыми.

Мы по жизни плывём, суетная плотва,
Неизвестных господ батраки терпеливые,
И сникает душа, как цветка голова
на своём стебельке в дни июля дождливые.

Ищем, ищем иголки в просторном стогу,
Тратим жизнь второпях, как копейку последнюю,
Вот бы мне сочинить хоть мотив, хоть строку!
Вот бы искру вдохнуть в вашу душу соседнюю!

Мы сидим на краю, на последнем венце,
Сруб колодезный сыр, а внизу влага стылая.
Вечный мучит вопрос: что же ждать там, в конце?
Но ответ не придет...

Ты скажи просто: «Милая,

Нам с рукою в руке, и с глазами в глаза
Все ж полегче принять пустоту эту вечную.
Что тебе не успел я когда-то сказать,
Скажут первые звёзды безоблачным вечером».

2014

КАЗАЧЬЯ БАЛЛАДА

Хитра ты, пуля-дура, на излёте...
Как рана моя рваная саднит!
Да вы уж, мама, казака не ждёте?
А он ведь не в земле сырой лежит.

Умел сплеча рубить я шашкой острой,
Упругую, как ветер наш, лозу.
А как меня любили братья, сёстры,
Да та, что проводила на базу!

Купили вы с отцом по деньгам справу,
Коня трёхлетку, пику да седло,
Благословили биться за державу,
Живым вернуться врагам назло.

В полку я пластовал других не хуже,
Без страха и без дурости лихой.
Хоть *исть* порой случалось и не дюже,
Но был всегда накормлен братка-конь.

Да только, батя, вороги сменились:
Покруче будут — стал змеючим враг.
Станичные на классы поделились,
А я, смекнув, червонный стал казак.

И бой-тот был — не бой, а стычки вроде.
Бил пулемёт, мы стали отходить,
Но пуля-дура сдуру-то находит
Не тех, кого бы надо находить.

Ребята дотащили до окопов,
И фельдшер, слава Богу, рядом был...
Не то, чтоб я в чужой земле закопан,
И крест корявый на морозе стыл.

Спаси тебя Христос, курчавый лекарь!
Гостинца, коли буду жив, свезу.
Да только, мама, стал ваш сын калекой,
Как буду управляться на базу?

Ох, часто, мама, в жар меня бросает,
И в холод, будто по степу зимой...
А кто ж у нас в станице комиссарит?
Неужто Пантелей, приятель мой?

Уж лют Пантюха был, и офицеров
Отправил столько Богу на поклон!
Да вот остался нечета мне — целым,
Сидит при власти точно фон-барон.

Мне весточку, родные, отпишите,
Я знать хочу, как там у вас в дому,
И чтоб малой Мишанька, проследите,
Кинжалу не касался моему.

Ну вот и всё, папаня и маманя,
Такие вот у сына-то дела.
Ведь пуля-дура знает кого ранить,
Летит себе свинцовая пчела...

2014

Лоза на море вид не портит,
Сырой террасы пол дощат.
Лука Шувалия из Поти
Смакует кофе натошак.

Неярки дней его охвостья:
Была страна, была жена...
В Рустави сын, а дочка в Хосте.
За русским замужем она.

Базарный крик портовых чаек
Привычен и не режет слух.
Ничто под кофе не печалит
Луку, быть может, пара мух,

Жужжащих нудно, деловито —
Электробритвой «Агидель»...
Была, была электробритва,
И он ей брился через день.

Он вспоминает, как светило
Над Поти солнце. Из Москвы
Являлись женщины, щетина
Их не пугала. До поры.

Подарки потийского лета
сегодня в памяти живут.
А было ль всё хмельное это?
Над Поти осень, листья жгут.

В душе Луки конец сезона:
Спокойный космос доброты.
Заряд его заложен, взорван,
И грунт взметнувшийся остыл.

Длинна, уныла в Поти осень,
С зимой тоскливой года треть.
Лука пьёт кофе, он же Овен,
А Овнам долго не стареть.

2014

МАЛЕНЬКОЕ ПОБЕДОНОСНОЕ

Солдаты Пирра водружают знамя,
Ликуют штаб, обоз и лазарет:
Победа есть, была и будет с нами,
Одна, и две, и тысяча побед!

Ура! Кричат язык, глаза и ноги,
Виват царю! Хрипят обрывки тел.
Мы победили тех — их, в сущности, немного —
Кто сомневался, блеял и гундел.

Кто интеллектил, спорил и софистил,
Веселье дней припудривал тоской,
Пасьянсы кто раскладывал из чисел,
Кто просто был не «этот», а «другой»...

Кого панически трясло от слова «наше»,
Кого корёжило от слова «большинство»,
И крик «ура» бессмыслен был и страшен...
Кто не умел сказать могучее «чаво?».

Пиджак перхотный, вялый клин бородки,
Ехидство каверзных, заумных инвектив...
Как здорово, что век такой короткий,
Всем умникам намерял Коллектив!

Великий Пирр, веди «своих» к победам,
Тащи за шкуру, в зад пинай ногой,
Дай крови «не своих» чуток отведать,
А дальше мы уж сами...

всех в огонь!

2014

НА ПОМОСТЕ

«Пора, мой друг, пора!
На исповедь, как водится...
Казнить раба пера
не каждый день приходится.

Шагай, мой друг, шагай
пошибче, время дорого!
...Да, я стихи слагал,
Борясь со словом-ворогом.

Искал, искал, искал
Игру, что в слове кроется.
Нашедши, не вздыхал,
Что смысл с формой борется.

Был весел и хитёр,
Изображая мужество.
Глаза свои не тёр,
Сбирая слезы в лужицу.

Любил. Как мог, любил.
Не бегал Божьей милости.
Под корень не рубил:
Что выросло, то выросло...

...Да где же ты? Пора!
Помост сколочен наскоро.
Как воздух свеж! Сыра
Колода коренастая.

Ну что ж, последний взгляд —
Народ наш в нетерпении.
Давай что ль «тру-ля-ля!»,
Полегче как-то с пением...

2014

ТАК ПРОХОДИТ СЛАВА

Sic transit Gloria... Огни
Во тьме последнего вагона...
Щекою к рельсам мрак приник,
Чтоб уловить остатки звона
Кимвалов славы мимолётной,
Случайной, словно театр залётный –
Отрада сонных поселений,
Где ворошит Шекспиров гений
Уклад насупленного быта.
В нём всё не счастливо, не сыто...
Но плачут женщины до стона
Над неповинной Дездемоной,
Тайком глядящей на часы:
Пора бы ехать — дома сын
Один, а тут ещё поклоны,
Гримерка, сплетни... Всех собрать...
О, Боже мой! Дурак Отелло
Так шею слапал неумело,
Что синяков не избежать.
Автобус древний, мятый бампер,
Водила толст, красиво сед...
И метров сто бегут собаки
С истошным лаем труппе вслед.
...Отстукал поезд, дрожь по рельсам,
Кряхтя поднялся, тишь вокруг.
И понял: Transit...

Не надейся,
Другой вокзал. Другой маршрут.

2014

ЦАРЬ ПЁТР

Триптих

I

Приехал царь Петруша на Кукуй
В немецком платье, рядом Алексашка,
Лучится хитростью и синяками ряшка,
Гостинцы на сиденье — целый куль.

За Яузой домишки, дерева,
Ганновер, Мюнхен, Йена и Аахен,
Остаться здесь бы до кончины на хер,
Да долю царскую куда же подевать?

Сошли с кареты, сели на траву,
Темны и горьки мысли у Петруши,
А Алексашка, будто бы подслушав,
Промолвил едко: «Чисто как живут!

Вся эта сволочь на кукуйской стороне —
Рейтары, лейтенанты, капитаны,
Нахапали в России капиталы,
И нас же обсерают, разве нет?»

Сощурился недобро царь Петруша:
«Уж больно разговорчив стал, холоп!
Ты б поберёг, что ль, задницу да лоб...
Поменьше отрясали б удом груши —

Так жили бы не хуже этих вот!
Да. Точно жили бы не хуже...
А спят подолгу, леность, грязь да лужи», —
Промолвил царь и, сунув трубку в рот,

Шепнул он Сашке: «Девки ждут, поди.
Давно уж не плясал я менуэта,
А хороша, Бог мой, сисястая Аннета.
Что брюхо трёшь? Туда, в кусты сходи!».

Петруша пиво пил, гостинцы раздарив.
Спало Останкино, Зарядье и Остожье,
Сны были лёгкие, весенние, о Божьем.
И терпеливо ждал рассвета Третий Рим.

II

Пригнувшись, Пётр вошёл в свою токарню.
(Дела закончил иль не приступал?)
На нартовский станок усталый взгляд упал.
«Хорош, собака, наградить бы парня»!

Стоит — накрыт рогожей — у окна,
Как конь-огонь по ездоку сучает.
А тот его за лихость привечает,
Ступнями ног давя на стремена.

Да где ж промчишься конным лишний раз!
Заботы государевы репьями —
Сенаторы, министры да крестьяне.
И каждый ждёт Петра царёв приказ.

А он затих, не требует приказа —
Токарный этот нартовский станок,
Стоит себе, как конь, четырёхног
Отрадою для рук, ума и глаза.

Он для Петра — мечта о сонме дел,
Ремесленном сопящем интересе,
О радости неумственной, телесной...
...И Петр станок ногой своей вертел.

Резцом голландским бронзу разодрав,
Вороной каркал новомодный суппорт,
А Пётр стоял, как будто вдавши в ступор,
Единым со станком издельем став.

Вот стружкой обожглась его нога.
Но Пётр стоял... И думал Царь о дюймах,
Чем сковывал беспутство мыслей буйных.
И пот со лба стирал арап-слуга...

III

Хрипя, лежит Пётр Алексеич на постели,
На трон последний шестерыми вознесён.
Так долог ростом и тяжёл был весом он,
Что шестерых хватило еле-еле.

Январский день промозглостью своей,
Усугубляет холод будущих предчувствий,
Реки Петровой видно уже устье,
Доплыл он до него, крича: «Скорей, скорей!»

...Всю жизнь орал, других мутузя в холку,
Под зад, по спинам палкой, батогом.
Не знал, видать, о способе другом.
А может, знал... Да что в том знанье толку?

Жизнь такова, поводыря слепцов холопных,
Все смотрят снизу, и в зрачки не заглянуть,
А мне хотелось сдвинуть их чуть-чуть,
Ну на вершок, на полвершка... Туда, к Европе.

...А то я их не знал, уж столько повидал!
Постелют мягко, да бока болят. Засранцы.
Но чисто как живут германцы да голландцы!
А мы-то что? За что нам Бог не дал

Подобной жизни навыв и желанье.
А может, дал, да спрятал глубоко.
Открытое увидеть нелегко,
А если уж внутри, во тьме, за гранью...

...И кто-то грудью навалился.

Катька.

«Кто следующий, Петруша?»

Тянет луком.

Должно быть, выпила. В глазах такая мука.
Ах, кто? Мне самому сие узнать-бы!

Всё будет меж рабами первый раб!
Решайте сами... Что-нибудь промолвлю...
Я не о том. В закатном блеске молний
Плывёт сюда последний мой корабль.

2014

ЦЫГАНСКИЙ МАЛЬЧИК

Цыганский мальчик в электричке,
Где к полдню заняты места,
Поёт куплет патриотичный,
Гармонь по пузу распластав.

Цыганский мальчик и сестрёнка,
Едва протиснувшись в проход,
Проходят по вагону, звонко
Горланя про «родной завод».

Косит цыганский мальчик глазом
На пассажиров. Ведь ему
Любой из них должён, обязан
Вложить хоть что-нибудь в суму.

Цыганский мальчик — лик невытый
(Иль мытый с горем пополам).
Ему что фарисей, что мытарь;
Вагон ему и дом, и храм.

Круглы испода крыши своды,
Несёт вагон слепая мощь.
В слезах цыганских Инда воды
Гармонь его — ситары дочь...

В руках проворных воли знамя.
Ветра, гудящих труб орган...
Мы все — цыгане. Бог не с нами.
Вот Он уж точно — не цыган!

...Брат и сестра сойдут в Красково.
От службы за денек устав,
Бутылку выпьют «кока-колы»
И вновь — на следующий состав.

2014

*Я прошу вас покорнейше, как поедете
в Петербург, скажите всем там вельможам разным:
сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство,
живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский.
Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.*

Н. В. Гоголь «Ревизор»

Я не печатаюсь в «реале»,
и денег, вроде, лишних нет...
Да и заметит кто едва ли Сонет,
памфлет и прочий бред,

который пальцем и курсором
(пером и ручкой иногда!)
с улыбкой, тихо, но с напором
в окошко выдаёт рука

из кассы душной, тесной, дальней
от пышных офисных хором.
Я в ней сижу, кассир печальный
и, сейф прикрыв, скриплю пером.

Куда уж скромному кассиру,
тягаться с теми, кто мастак,
по части образов и стилей,
идей и чувства...

А раз так

я мышью «Яндекс» бодро кликну,
«stih» из списка загрузу,
и с вызовом в пространство крикну,
(а может, шёпотом скажу):

«Ребята, вот стихотворенье,
а здесь поэма, перевод...
Вы почитайте в воскресенье,
есть время — день длинную с год!

Хотел сказать про то, про это,
про ненависть и про любовь.
Да, я посмел лихим поэтом
себя назвать... Да тут любой

себя таким прозванием кличет,
на то и сайт для всей страны...
Что? Модератор баллы вычтет?
Ну, а кому они нужны?»

И правда, я похож на клерка
невидной средненькой руки:
свой «кабинет» — из байтов клетка,
где свалены горой стихи.

Да, «кабинет»! А поправее
нажмёшь на строчку «публикуй» —
и стих родится на дисплее!
Давай, поэт, гордись, ликуй!

И я ликую, я ли... кую...
В ответ неслышно эхо гор.
И я, как каскадёр, рискую,
но неизвестен каскадёр.

Не для него желанный «Оскар»
и номинации шорт-лист...
Лечу спокойно прямо в пропасть
и падаю привычно вниз...

Там, в титрах, где-то в строчке сотой
стихи случайно промелькнут
солдата пишущей пехоты...
Когда все зрители.

Уйдут.

2014

Боярышник растоптанный
с тропинки у забора,
Мужик — сосед по комнате —
Диктует мне с напором:

«Кадри вот эту светлую,
Которая из Курска,
Не замужем. Советую...
Как кормят тут невкусно!

Вот помню, в Самохвалово
Давали нам рулеты.
И было баб навалом там
Тогдашним жарким летом.

Но, правда, намекнёшь на что —
Кобенились, как дуры.
Главврач здесь точно чокнутый —
Платить за процедуры!

Пожаловаться некому:
Всё частное... ну, суки!
Вон новые подъехали,
И, как назло, старухи.

Как плохо связь работает,
Я ж говорю: дырища!
Мобильник где? Да вот же он!
Жена, похоже, ищет.

Привет, Светуль! Чем занят я?
Сижу с соседом Борей...
Да так — одно название,
Козлиный санаторий.

Какие бабы, пусенька?!
Я ж говорю: с соседом.
А кормят здесь невкусно так...
Сейчас идём обедать.

Опять про баб. Да хватит, Свет,
Ты у меня одна же.
Ну хочешь, подтвердит сосед,
Я их не вижу даже.

Пока, Светлан, кота целуй...
Вот так — всегда ревнует
Ко всем подряд. А в койке нуль —
Поверишь, не волнует.

Детей? Да как-то не свезло:
Три года за границей,
Машина, шмотки да бабло —
Что с этого родится?

Аборт, другой, и что-то там
Неправильно залезли.
И всё... бесплодны вы, мадам.
Эх, были б дети если!

Иди сюда, малыш, ты чей?
Ты с мамой тут, ах вот как?
Скажи мне, Борь, ну вот зачем,
Мне «Волга», деньги, шмотки?!

Вот если я вернуть бы смог
Года те, что пропали...
Дай носик вытру твой, сынок!
А папа тоже с вами?»

2015

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРТЫНОВА

Я не погиб (невольник чести!),
а просто поднял свой Лепаж...
Машук в лучах рассветных блещет.
Неподалёку экипаж.

Передо мной тщедушный злюка,
С душой и языком змеи.
В глазах-агатах плещет скука
И гордость, страсти усмирив.

Он оскорбил, и он получит
Свою смертельную осу.
Она одна его проучит,
Она одна — и рок, и суд!

Да кто он есть на самом деле?
Стишки кропающий позёр!
Таких вот учат на дуэлях,
Попутно искупив позор.

Ну, палец, жми курок Лепаж!
Представь, что там стоит черкес —
Стрелок хороший, не промажет,
Ускачет, гикнув, в ближний лес.

А ты, судьбой лихой обижен,
Лежать останешься в траве.
...Сейчас он подойдёт поближе.
А может, мимо? Может, вверх...

Соцветье наших бед увянет,
Сокрыв букет курортных склок.
Но мірь, но мир меня вспомянет...
Ну все, спускаю свой курок...

2015

Изнанка век — экран глазниц давно потухших.
Ещё секунда и порвутся вдовьи нервы...
Под звуки гулкие Шопена «Марш фунebre».
На сельском кладбище хоронят её мужа.

Прожили долго, только бестолково как-то,
Добра полдома, мотоцикл и две сберкнижки,
Две дочки дуры, да у дочек три малышки,
Все — безотцовщина, ночной не ведом автор.

Под третью часть *сонаты си бемоль минорной*
Идёт процессия, кто в валенках, кто в чунях,
И кто поминок щедрость винную учуял,
И кто — поплакать по чужим слезою сорной.

Встречают ангелы в чертогах новосельца
Без отпевания, молитвы и прощенья.
Так получилось, не случилось утешенья:
Посредник-батюшка застрял в грязи осенней.

Свет светло-серый — поздней осени примета,
Берёз кладбищенских листва в октябрьских плешах.
Шопен звучит, за всех усопших неутешен,
Ему кукушка метрономом вторит где-то.

2015

Нам суждено стать сорной дичью —
Охоты самочьей добычей,
Сражённой мелкой, колкой дробью,
Привычно названной любовью.

Своею нежностью невольной
Они убьют тебя не больно.
Расчёт их верен и проверен:
Любви клочок... и долг безмерен.

А нужно было так немного:
Понять, простить, собрать в дорогу,
почувствовать — здесь мед, там деготь.
А твой увязший в страсти коготь —

Случайный писк наивной птахи;
И ты кричишь в смертельном страхе:
«Мы пополам ломать тот грешный
Делили в радости поспешной!»

А долг-то — твой,
текут проценты,
Как кровь кармином из плаценты.
И не списать, не отработать
Не объявить себя банкротом.

2015

Почему Создатель мне
Отказал в большом уме?
Я ж всегда к Нему лояльно
Относился — как умел.

Но, видать, ума сего
Не хватило у Него.
Исчерпал Он все лимиты
В день рожденья моего.

Отказал Господь в любви...
Намекнул, мол, сам лови
Эту птицу-серебрицу,
Только крыл не оторви.

А без крыльев — что взамен?
Двух врагов нещадный плен
без конвоя... в утешенье.
Но не слаще редьки хрен.

И в удаче отказал.
Так, сплошной базар-вокзал!
А толкаться, рвать да хапать
Сам себе я заказал.

Сами и друзья пришли,
Руку — «здравствуй!» — потрясли.
Мы пирог с водой и солью
Вместе столько лет пекли!

.....

Вот не сделал мне Господь
Острой — мысль, здоровой — плоть!
Может, просто мама с папой
Поздно начали пороть?

2015

Переезжаю в Кострому.
Куда не знаю и к кому...
Не по холодному уму –
В бессилье ватном...
Что селит в сердце страхов тьму.
Без тягомотных «почему?»,
Но с хамоватым «потому!»,
С перчинкой мата.
Как оказалось просто всё ж,
Швырнуть, что в гроб не унесёшь:
Пустых обид погнутый нож
С ненужной гардой,
Придуманную страхом ложь,
Обломанный тобою грош
И ожиданий колких дрожь —
Писк миокарда.
О, это всплеск, а не коллапс!
Вон, видишь, пароход «Карл Маркс»
Отчалит в Астрахань сейчас,
Швыряя в волны
Нелегких дум фальшивый страз,
Что убивают всякий раз
Свободное течение фраз,
Смешных и гордых.
Парит в пространстве каланча,
Автобус трогает, рыча,
Кондуктор рвёт билет, ворча,
Счастливый, нет ли?
Что сбыл за ломтик калача?
Что разорил, как саранча?..
И нет душе моей врача
Простывшей, бедной.

Сентябрь 2015

Валентине Волошиной

В забытом приюте эпохи советской
Обшарпанный стол, обезноженный стул
Настольная лампа на полочке ветхой —
Лет сорок назад прежний мир здесь уснул.

Солдаты войны нам совсем не понятной —
Осенние мухи пред мутным стеклом,
И вид неопрятный постели помятой,
Неловкому взгляду открыт как назло.

Сквозит холодком из-под двери балконной...
И водки сто грамм вождедает душа.
Всего-то чуть-чуть, без азарта и стона.
Два пальца со дна. И глотнуть не спеша,

Прочувствовав горечь запретного зелья,
Нелепость поступков и зыбкость границ.
И странное чувство: «А здесь-то зачем я?
Средь этих пространств и блуждающих лиц».

...Там Волга течёт, огибая Лунёво,
Набросив халатик осенних лесов,
А мы-то с тобой только повод и довод
Для диспута с Богом,
что жизнь — только сон.

2015

СЛЕД УКУСА

Я в принципе на случай не в обиде,
Хоть он жесток бывает и нелеп.
Я многое вживую в жизни видел:
Гагарина, Высоцкого, Пеле.

Застал рассвет и сумерки застоя,
Противный, как касторка, тихий страх,
Провинции несътое застолье,
Глушилок гул на «вражеских» волнах.

Распад последних лет былого века,
И нынешнюю шумную орду,
Я пережил, живу и не уехал
Туда, где жизнь нам грезится в меду.

Любовь я знал какую-никакую,
И глупостей изрядных навалял.
Но смерть людскую не видал вживую.
Хотя собак, не скрою, усыплял...

Колол его не я,— угрюмый парень,
Приехавший к соседям на такси.
Но мой прокушен был до крови палец,
Когда шептал я глухо: «Друг, прости».

Не наш был пёс: соседка попросила
Насильным сном прервать дворянью жизнь.
Долдонила: «Ни мужа нет, ни сына,
Так ты уж подмогни, и, слышь, не злись!»

«Да я не злюсь, чего уж, по-соседски...
Видал я эту опухоль, кошмар.
Живёт так год? Сильно у парня сердце...
Знакомый в Лосе есть ветеринар».

Зажил давно мой палец злополучный,
Соседка та, должно быть, не жива.
Но помню взгляд собаки *мукомучный*.
И коготь, рвущий старенький диван.

2015

ТОПОР

Колки ветры революций —
В щель любую залетят.
Слёзы красные прольются,
И на коже заблестят.

Плачь, не плачь, не уголубишь
Птицу хищную обид.
В хрип ори: «Да что ж вы, люди!»
Будешь ими же и бит.

Много в темечке и плоти
Мест, где впору топору
стукнуть. Мне, и вы умрёте.
Стукнуть вам, и я умру.

И в грязи в обнимку лёжа,
Кровь сведя в один поток,
Вдруг помыслишь:
«Может, всё же брать не стоило, браток,

Тот топор, весьма сподручный,
Для убийств под крик “ура!”».
Но, видать, уж очень скучно
Людям жить без топора.

2015

ЧАСОВЕНКА ДУШИ

Покой и свет в душе усталость тела топят
в таинственной реке, текущей на восток.
Потерь, побед и бед теперь не нужен опыт,
В гусиный пруд слились и устье, и исток.

Забота без тревог, веселье без похмелья,
Без пафоса слеза, без злой обиды гнев.
Покойная земля, припал всем телом к ней я,
И строю тёплый кров, сарай, забор и хлев.

Зазубрен мой топор — не там бревно он тешет,
Не точена пила, и рез её не прям.
Проекта вовсе нет, и знает только леший:
А будет ли вообще построен этот храм.

Какой уж храм? Смешно! Часовенка в низине
с иконкой лишь одной «Нерукотворный Спас».
Неужто наш костёр погаснет и остынет,
Который я разжёл, и горстку дров припас.

Течёт поток машин не пафосного вида
На север в Кострому, по бывшей «Костромской».
Неправдой снов теперь мне кажутся обиды,
Да были ли они? Прошли. Как в детстве корь...

2015

ROUTE 66

*По мотивам песни Бобби Трупа,
прославленной исполнением The Rolling Stones*

На шестьдесят шестом маршруте
Койота трупик в стороне...
И понимаешь, как до жути
Далёк тот мир и странен мне.

Тот мир, в котором ночью кто-то
Под восклицание «My God!»
Прервал мгновенно жизнь койота,
Его таинственный поход

Куда-то вдаль к помойке щедрой,
Где под рекламой «Pizza Hat»
Полны остатков сладких недр,
Вкусней енотов во сто крат.

Тут мне не жить средь улиц чистых,
Пронумерованных навек,
Где городки персон на триста,
Где незнакомый человек

Предупреждает незнакомых,
Что на деревьях есть клещи,
И ты уж, please, приятель, дома
Свой кожный панцирь обыщи.

Тут тараторят на невнятном
Английском — сроду не поймёшь.
На жабрах здесь у рыбки пятна —
Блюгеля, колкого, как ёрш.

Поток машин неторопливый
Меж светло-серых мостовых,
На них народ, мечтой счастливый,
К которой сызмальства привык.

Он мыслит мерами иными:
В пакетик — фунт, а в бак — галлон,
Он в час наматывает мили,
Давя дорог своих бетон.

Не поминают Бога все,
А просто знают, что есть Бог —
Те, кто живёт в земле Миссури,
Среди равнин, холмов, дорог...

Коламбия, Миссури
Октябрь 2016

БЕСКРЫЛЫЙ ПЕГАС

Никто не пишет хвалебных рецензий...
Нет, я не в смысле особых претензий.
Ведь труд мой — на вирши чужие пялся,
попутно мни фаланги фраз и пальцев!
Ищи слова и соблюдай манеры,
Рожай строку, рифмовку и размеры.

А нужен ли букет шипастых мнений?
Никто не скажет ведь: ну, брат, ты гений!
Или хотя бы, что ты новый Бродский.
Ну, если только выпивши. Да Бог с ним...
Ведь главное на этом мундиале
сыграть с самим собой в большом финале.
На гамбургской арене приз известный:
шлепок по ляжкам, вскрик «О да, прелестно!
Какой же ты, засранец, сукин сын!»

И вновь впрягайся, не жалея сил
в телегу грязную, воняющую дёгтем.
И ты скребёшь затылок ломким ногтем:
хомут ободранный, истертые оглобли,
ноябрь дождливый, седоки продрогли...
А ты по грязи тянешь *неподкован*,
к неверным чудесам неведомым и новым,
придуманым тобою, тем и дорогим...
Ведь было всё написано другими
давным-давно, в других краях и лучше,
Но тянешь ты: а вдруг счастливый случай....

...Да, хлопал я себя по ляжкам жёстким,
лишь пару раз, не больше. Да и Бог с ним!
Целее будут ляжки и ладони...
Какой же шрифт мне выбрать? Да! Бодони!

2016

ДРУЗЬЯМ

Спускаются неслышно белизною ваты
Седые волосы на сгорбленные плечи,
Иных уж нет из нас, погасли тихо свечи —
Семей своих и наши горькие утраты.

Мы были стайкой в этом мире разобщённом,
Шарами на столе вселенского бильярда,
В границах рамки треугольной в месте старта
Игры неспешной между ангелом и чёртом.

Мы были вместе все. Делились ли последним?
Излишним — да. А там — как выпал
жребий-случай.
Неразрешимой тайной интеллект не мучай:
Небытие сберёт всех беспощадным бреднем...

Что может молодость? Лишь то, что знает старость:
На пол подстеленной соломы жидкий ворох,
Мышей сомнения противный тихий шорох,
И горьковатый вкус того, что не досталось.

Запас минут растратим с миною беспечной,
Не осенясь крестом небесного сиянья.
Нам выходить, друзья: платформа «Северянин»...
А кто за нами, тем — подальше, до конечной.

2016

Каждый жил, как он умеет,
по прожитому — имеет:
то промеленное мелет,
то просеянное сеет;
удивляется — не зреет
колос в поле и хиреет.

Ну, а кто-то взял — и смеет
бросить в топку, чем владеет.
«Он безумное содеет», —
осуждают фарисеи!
Или мрак решил рассеять
Тем костром, где был сожжён...

2016

Могу ли от себя сбежать —
без чемодана, что без ручки?
И бросить с полдороги жаль —
да где же купишь, что получше?

А города, похоже, есть,
где чемоданы обновляют!
Решиться бы да улететь...
Но грозы! Рейсы отменяют.

Сплошное «cancel» на табло,
забит буфет аэропорта...
И чемодан забыт назло
себе, упёртому до чёрта!

Туманы, наледи и смог —
больна *нелётная* погода.
Прощанья неизбытый срок
и пограничников кордоны...

Не слышен «цвяк» печати их,
и паспорт мой давно просрочен.
Давай-ка на своих двоих,
к груди прижав свой узелочек,

где смена ветхого белья,
да кружка-друг в разводах чайных...
Так значит вот цена моя?
Информативно. Но печально.

2016

ПАМЯТИ ИСКАНДЕРА

Прости всех нас, Фазиль Абдулович, прости,
За мир Сандро, что был профукан как наследство
Подростка глупого, балованного с детства, —
Со смехом щедро брошенное из горсти.

Свой мир слепил ты из того, что глаз вобрал:
Волны сухумской с нахлобучкой белой пены,
Дымков печей на фоне неба над Чегемом,
Где не однажды Колчерукий умирал.

В том мире пьяной Изабеллы зрела кисть,
форели покрывались пятнами испуга...
Коня покорного потёртая подпруга,
И простодушная крестьянская корысть.

Иные смыслы тянут в слово «Искандер»,
И смех иной: недобрый с лязгом пыльных трактов,
Но не пойдёт тобою созданное прахом,
Хоть полк собратьев Чика сильно поредел!

Добро кулачное воспето не тобой.
А что тобой воспето, зверь породы странной?
Безделья роскошь и невинные обманы
Твоей Апсны, что не обласкана судьбой.

Теперь и ты в стране бесчисленных пиров,
Ведешь беседы с Юрой, Васей и Булатом,
Ты был по крови им родным, надежным братом,
Со странным голосом, скрипучим как перо.

Прости всех нас, Фазиль Абдулович, простых,
Чего-то пишущих: чуть лучше и чуть хуже...
Уходит Мастер в ту таинственную стужу,
Нам — оставаться в тихих комнатах пустых.

2016

ГОД СОБАКИ

Без умолку лаял кобель,
Тряся неопрятною шубой,
Наверное, нёс похабель
Напористо, звонко и грубо.

Но лай тот, похожий на визг,
Мог быть истолкован иначе.
Не ведаю: я не лингвист,
Знаток диалектов собачьих.

Привиделась Индия мне,
Под русским стоящая снегом:
Мол, живность от блох до коней
Когда-то была человеком.

Внушал мне такой постулат
Очкастый, зачуханный лектор:
«Ты был, брат, веков сто назад
Собачьей породы субъектом».

И, слушая пёсий концерт,
Мне так побрехать захотелось
Про рост продовольственных цен,
Про всё затопившую серость,

Про жизнь, что скользнула как мышь,
В чужую холодную норку,
Про то, как доверчиво мы
Глотаем бесплатную корку!

Но псина замолк, знать, устал,
Пролез под калитку улиткой.
Немало в окрестных местах
Заборов с короткой калиткой.

...А ветер с Атлантики дул
Противный, как тёплое пиво.
Так мало в собачьем году
Мгновений отчасти счастливых!

2017

КОСТРОМСКИЕ ЗОРИ

Над Костромою целуются зори:
Поздно темнеет, светлеет полтретьего.
Лето, как мачеха нищая, — злое...
Лето — короткое как междометие.

Дождь полирует округлые крыши
Скромных машин верхневолжской провинции.
Ветры сердитые Арктикой дышат,
Будто водители в трубку полиции.

Лето — ударов расчётливых в спину.
Лето — подарков без радости принятых.
Лето, которое до половины
Прожил без лета южного признаков.

Лето побережья пустынного Волги,
Лето ветровок, сапог и рейтузиков,
С грустью надетых всерьёз и надолго
Мамами на своих карапузиков.

Зори целуются над Костромою
Светлой метафорой Севера русского.
Дождик отмыл мне стекло ветровое.
Солнце мелькнуло...

И что же тут грустного?

2017

МАЛЕНЬКАЯ ПЬЕСА В СТИХАХ

Зина, внучка

Бабушка

Дедушка

От автора

Сцена первая. Июль

Зина:

Бабушка, а бабушка,
Испеки оладушка,
Я с тобой и с дедою
Сяду пообедаю.

Бабушка:

Так... оладьи эти я
Испеку на третье.
Но сначала деточка:
Супчик и котлеточка.
Ой, а слушай, Зиночка,
Может сделать сырнички?
Творог в холодильнике,
Он как раз для сырников!
Может, он испортиться,
А мне так не хочется!
Будешь есть их, девочка?
Ну и где ж твой дедушка?
Разыщи-ка деда, Зин,
Пусть сгоняет в магазин,
Купит бородинского
И сырочку минского.

Нет, скажи: «Домой ступай!
Дорогой не покупай!»
Зина возвращается с дедом.

Бабушка:

Ты помыла рученьки?
Что ж у нас за внученька!
Так, садимся все за стол,
Дед, а ты куда пошёл?
Только сели, ты чего?
Глянь, ему приспичило!
Ешь, Зинуля, с хлебушком.
Фокусник твой дедушка!
Ходит с кислой миною,
Поиграл бы с Зиною.
Всё газетки, интернет,
Будто дел на даче нет!
Как же — интеллектуал...
Взял, да грядки бы вскопал.
Что, тебе не нравится?
Мне со всем не справиться.
У меня не три руки!
Этим — только шашлыки,
Сбыли девку — и о'кей!
Нужен мне такой хоккей?
А считаемся — семья...
Как устала с вами я!

Зине:

Ты поела, птиченька?
Ну-ка вытрем личико,
Вымоем тарелочку,
И в кроватку девочку.

Зина:

На качельки можно я?

Бабушка:

Только осторожнее!
Дед, и ты туда сходи,
За ребёнком последи.
Сам не сверзнись, каскадёр.
Ох, и дед у нас мудёр!
Как же славно было б, Зин
Жить на свете без мужчин...

Кто бы деток делал???

Дед,

Это — твой политпросвет?
(Полушёпотом)
Вот, когда в башку моча,
Лучше б кто-то помолчал.

От автора:

Зина пообедала,
На качели сбегала,
Села, ножки свесила,
Как на даче весело!

Сцена вторая. Декабрь

Зина:

Дедушка, а дедушка
Одолжи мне денежку,
Папочке и мамочке
Я куплю подарочки

Дед:

Что на ушко шёпотом?
Ах, секретик? Попа ты!
Ой, у нас соплей поток!
Где тут спрятался платок?
Что же — носик *вытерем* —
Купим мы родителям?
Батьке «Мазду пятую» —
И в кредит не взятую?
А маманьке соболя —
Чёрного... особого?

Зина:

Деда, ты как глупенький!
Мамочке я туфельки
Подарю, а папочке
Подарю я тапочки.
Будет в туфлях мамочка
Без хвоста русалочкой,
Ну а тапки папке, чтоб
В ботсах не ходил, как жлоб!
Ну а что я? Ничего!
Мама так зовёт его.

Дед:

Есть тебе в кого пойти...
Ой, задумался, прости.
Свой вопрос, сударыня,
Задаю не даром я.
Дед твой, хоть и не Гобсек,
Но не бедный человек.
У меня имение,

Соток шесть не менее,
Кое-что на карточке.
(Чур, не скажем бабушке!)
Раньше, правда, пожирней
Было кое-что на ней.
Но поменьше *нонеча*,
Чем у Абрамовича...
Одолжить могу монет,
Только толку в этом нет.
(*Размышляет*)
У тебя же, внученька,
Глазки есть и рученьки,
А у деда, кисочка,
Краски есть и кисточки.
И вот, если нам, Зином,
Сделать в стиле «импрессьон»,
Кое-что про кой-кого
Лучше Мунка самого,
То получится — потряс!
Коли не догонят нас...
Нарисуй-ка, тётя Зин,
Нам на всех портрет один!
(*Заглядывая в рисунок*)
...Папа. Мама в мантии...
Ну-ка, повнимательней!
Руки, словно, хоботы,
Значит, снова пробуй ты!

(*Зина готовится плакать*)

Дед:

Сразу к бабе, ябеда,
Щас подправим, не беда!
Ой, ну как мне нравится
Зина раскрасавица!
Это Дед Мороз, вот как?

(Про себя)

Ну ты, деда, и му...чудак!

Ты ведь это, лапочка...

Ох, какая шапочка

На тебе с помпончиком!

(Мечтательно)

Чаю бы с лимончиком...

Елочка зелёная,

Кто же там с короною?

Света с тётей Танею?

Так! Сейчас — внимание!

Бабушку рисуем мы,

Ох, как, Зин, рискуем мы...

Нарисуй брильянты ей,

Будет так приятно ей.

Дед? А надо деда, что ль?

Ну, раз надо, так изволь!

(Про себя)

Ух и дед, Ален Делон!

Я б такого выгнал вон.

Дед напевает:

... Лучше Шурки Шилова

Нарисую милого...

Дед спохватывается:

Шурка Шилов, кто такой?

Водит вот, как ты рукой,

Но у Шурки денег-то

Больше, чем у Рембранта.

Пишем «С Новым Годом!» здесь,
Всё! Ура! Подарок есть!
Ленточкой завязывай...

Дед, вздыхая:

Бабе не рассказывай,
Что болтал твой старый дед,
Будет, Зин, у нас секрет.
А расскажешь, внучечка,
Будет деду взбучечка.
Будет не до смеха мне,
Всё, Зинуль... проехали!

(Зина лезет на руки к деду)

Кто хватает дедушку
За нос, что за девушка?
Или это грозный пупс
Взял на драку с дедом курс?
Мы пупсёнка милого
Щас нокаутируем!

Дед с досадой:

Сколько раз тебя просил?
Хулиганка, нету сил!
«Делай с дедом всё, что хошь,
Только ты очки не трожь!»
Вот опять две тысячи,
Надо тебя высечь бы!
Баба нас зовёт, отбой.
Как же хорошо с тобой,
Наш комочек доброты,
Будь такой подольше ты...

Зина

Деда, ты, как дитенька!
Ну-ка слёзки вытри-ка!

Ну, зачем ботинки им,
Папке с мамкою моим?
Лучше я очки куплю,
Я ж тебя во как люблю!

Дед

Ты для красок тряпочку
Подаёшь мне, лапочка!
Пусть, давай, слезай-ка с рук,
Это баба. Режет лук.
Ты жалея её, Зинуль,
Мы без бабки нашей — нуль...
Ну, теперь «Спокоечку»,
В ванную и в коечку.
Всё о'кейчик, гуленька,
Поцелуй дедуленьку!

2017

*К Постановлению оргбюро ЦК ВКП(б)
«О журналах “Звезда” и “Ленинград”»
14 августа 1946 г.*

О, этот профиль, нос с горбинкой,
Дитя достатка и степей,
Ты дожила до середины
Лихого века и испей
Хулы от тех, кого забудут,
Лишь только весть о смерти их
В ведре окажется под грудой
Очисток, банок жестяных.
Грехов немало приписали
Из тех, что носят «вышки» вкус:
Не восхвален товарищ Сталин,
ВКП(б) любимой курс.
«Да эта барынька взбесилась,
Нас вовлекая в будуар,
А кто она, скажи на милость, —
Жужжащий о любви комар?
Да ладно о любви, а то ведь
Всё с эротическим душком...
Кому мадам Горенко вторит?
И почему проспал обком?»

2017

ПОЧТИ ПРИТЧА

Сергею Пронину

Летит в ночи над миром Ангел,
Избрав неведомый маршрут.
Легки крыла его, но камни
С печальных душ они смахнут.
Душа моя мрачна, уныла
В покрове долгих темных дней,
Но и о ней — нет! — не забыл он
С молитвой искренней моей.

Был человек на всех похожий,
В руках держал и плуг, и меч.
Но вот предстал он. Ангел Божий
Сказал ему такую речь:
«Ты прожил жизнь достойно, тихо,
А я и летом, и зимой
С тобою рядом был, смотри-ка:
Здесь два следа, один след — мой!»

«Но в жизни знал я и невзгоды!
Вот след, смотри, ступни одной!
Где ж был ты, Ангел, в эти годы,
И почему был не со мной?
Ответил Ангел с тихой страстью:
«Когда был наг ты, бос и сир,
Я не бросал тебя в несчастьях
И на руках тебя носил...»

Летит в ночи печальный Ангел
Над заскорузлую землёй,
В небесной табели о рангах
Не первый он и не седьмой.
Пером судьбы на чистых бланках
Пути он чертит нам, скорбя.
Ведь знает он, что мы — подранки
Охоты на самих себя.

2017

РАССВЕТ В ЧУЖОЙ КВАРТИРЕ

Мы «Инь» и «Ян» в классическом слиянии,
Земля и небо, тело и душа,
Летим вдвоём в космическом сиянии,
Где только свет и можно не дышать.

Побудь со мной, пока постель не застлана,
Разлукой не тревожь её тепло...
Ведь мы с тобой сегодня как бы счастливы?
Соври, соври реальности назло!

Ночной трамвай, по рельсам вяло грохая,
Пугает тишину ночным звонком...
В глазах её слезинкой просьба робкая,
Сверкнув, вздыхает, точно зимний гром:

«Скажи “люблю”, пяток всего лишь буковок,
Я притворюсь, глаза прикрыв рукой.
Ведь мы с тобой не здесь, мы в роще буковой,
И пахнет небом, лесом и рекой».

Рассвета синь глядит в глаза навязчиво,
И плачет «Инь», и «Ян» в углу притих...
Их ночь тесна, как детская колясочка
С недетской погремушкой на двоих.

Рабы чужих китайских иероглифов,
Двух рыбок-капель, слитых Богом в круг.
Они сидят, прощаньем вечным прокляты,
А в роще осень, опадает бук.

2017

ТРИ ОТТЕНКА СЕРОГО

Плачет в снежном крошеве
Ручейками март,
Как детёныш брошенный,
Потерявший мать.
Трёх оттенков серого
За окошком сад,
Подметает дерево
Веткой небеса, —
Голою, безлистою,
Месяцу подстать.
Да и небо чистое...
Что тут подметать?
Прыгнет март-*малышечка*
В Божью колыбель.
Больше плач не слышится:
На дворе — апрель.
Голик веток мартовских,
Листьями покрыв,
Выметет он царственно
Нечисть во дворы,
Ветрами да ливнями
Кучи уберёт
Срама — сора зимнего,
Что нам март сберёт.
Выскочит апрельская
Робкая трава,
Дружно фыркнув, сельская
Зажуёт братва
Лакомство бурёночье:
Первоцветы, снить,
Вспоминая до ночи

Запашок весны.
Подожди полмесяца
До апрельских дат,
И на грех «повеситься»
Ты не клюнешь, брат!
До тоскливой истины
Еще год почти,
Будут ветки с листьями
Небосклон мести.
Вволю позабавятся
Этой кутерьмой.
Только год убавится
У тебя, друг мой...

2017

Что для счастья надо казаку?
Что б подольше звонкое «ку-ку»
выпевала серенькая птаха,
да поменьше пред атакой страха.
Что для жизни надо казакам?
Что бы невод наполнила река,
зад чтоб тощий вицами не порот,
да подсолнух семечками полон.
Что для воли надо грешным нам?
Грамм по двести слёзных жгучих грамм,
малосольный огурец колючий,
да «орлом» наверх упавший случай.
Ну, а что нам надо для любви?
Обмануть нудягу «се ля ви»,
пронестись верхом дорогой пыльной,
распластать свалявшиеся крылья,
оттолкнуться, позабыв о седине,
да взлететь в разверзшееся не...

2017

ЗИМА НА ЗЕМЛЕ КОСТРОМСКОЙ

Зима такая снежная,
Снега такие белые,
Что жаль их тело нежное
Лопатою крошить.
Но я торю тропиночку
От дома к нашей улице,
А что же делать, иначе
Зимою не прожить.

Тут не Москва со слякотью,
Не Питер с небом сереньким.
Тут снег ложится скатертью
В звенящей полутьме.
Вставай, собравшись с силушкой,
Обуй братишки-валенки,
Бери лопату-милушку,
И дай ответ зиме.

Как солнце светит, батюшки,
Весёлое, февральское!
Здесь лапы елей в варежках,
Как серебро блестят.
Берёзы запорошены,
Нагие и стыдливые,
Ты думай про хорошее,
Его ведь больше, брат!

И подними-ка голову!
Прошло уж равенствие:
На прибыль день — как здорово!
Весна ждет впереди.
Жизнь только начинается,
И, может, будет долгою.
Всё жизни подчиняется...
Давай-ка снег гребь!

2018

ИСТОРИЯ ПРО ДРАКОНА И ГЕННАДИЯ

На Арбате жил Дракон,
В переулке Чистом,
Очень чистоплотным он
Был и голосистым.

Спозаранку он вставал
И, почистив зубы,
Пел какой-нибудь хорал,
Под гуденье тубы.

(Есть такая бас-труба,
Если кто не знает,
Голосом она груба,
Но на ней играют).

Вот однажды наш герой,
Посмотрев в окошко:
на широкой мостовой
Крокодил с гармошкой.

В клеточку на нём пиджак
Всем на загляденье,
Но поёт печально так
Он про день рожденья.

«И тебе ведь будет сто
Послезавтра, милый!»
Наш Дракон схватил пальто,
Вышел к крокодилу.

«Я Дракон, и здесь живу».
«Ну, а я — Геннадий,
Привезли меня в Москву,
Петь при зоосаде.

Мне бы друга тут найти:
Полистать с ним ноты...
Вот услышал по пути,
Как поёт тут кто-то.

В зоопарке же у нас
вопли попугаев...
Был один тигрёнок-бас,
Где теперь — не знаю.

Одному ведь скучно так
Голосить напрасно.
Наша встреча — добрый знак,
Вижу ведь: согласны?!

Так и встретились друзья
И поют дуэтом,
Вот и кончилась моя
Сказочка на этом.

Извините, допустил
Второпях промашку,
Почему-то упустил
Куклу Чебурашку.

Думаю, что не беда,
Не предлог для горя...
Ведь у нас так много, да,
Впереди историй?

2018

ОТ БУЛЬВАРНОГО ДО САДОВОГО

От Рождественки до Трубной
Путь под гору — и нетрудный,
А обратно —дохлый номер:
Ноги препротивно ноют,
Сердце скачет в темпе presto
Но не помер... если честно.
Чуть подале — к Наде Крупской
(Полупольке — полурусской) —
Гляньте: Сретенка-подруга
Зазывает сойти с круга...
«Извини, чуток нетрезва!
Заходи уж, не побрезгуй.
Рёбра мне пересчитаешь:
Пушкарёв, Просвирин, Даев,
Ащеулов и Последний.
Сколько ты по ним поездил,
Походил, сносил штиблеты,
Мял асфальт зимой и летом
Рядом с людом суетливым,
Радостным и несчастливым.
Ты ведь был тогда моложе,
Твердоскулым, толстокожим,
Выше носом, легче телом,
Мало думал, больше делал...
И не ныли мысли злые
О себе и о России.
Жил, страстей не сортируя,
Заплывал за кромку буев,
Выбирал с извивом тропку...

Ты в гостях!

Поднимем стопку:

За Москву, за славный Китеж,

Что в озёрах не отыщешь!

За беспутный этот город,

За его колючий норов!

За бульваров воздух праздный!

За поток слёзы напрасной.

Пусть Москва слезам не верит,

Но приметит, обогреет.

От Тургеневски до Чистых,

Пять минут — два шага, близко.

Там иное шепчет память

Там слова иные манят:

Харитоний и Фурманний...

Вот так встреча!

Будешь пьяным

От имён московских улиц,

От зрачков весенних лужиц,

От уютных переулков,

От ударов сердца гулких...

2018

ШАГИ ВЕСНЫ

Промчится день, завистливый притворщик,
Зимы прощанья грустный результат.
Слегка смахнут снежок поля и рощи,
Да два часа ко дню прибавит март.

Пройдёт апрель, подачками несытый
Тепла и света, солнечных забав.
Оставит он продрогшие ракиты,
И зелень робкую наивных первых трав.

И будет май с гортанным грохотаньем
Нежданных гроз... (Машину мне не мыть!)
И так же май в трёхтысячном настанет,
И будут грозы, громы... Но не мы
Услышим их, и молнии зигзагом
На тёмном небе не для нас сверкнут...
Давай к реке пройдемся тихим шагом
И будем счастливы с тобой теперь и тут.

2018

Бренчит без умолку осенний метроном...
Из туч тоскливых извергая дымкой сонной
Проклятье вечное предзимнего сезона,
Унылый дождик моет землю за окном.

Земля упорствует. Пожухлая листва
Своих ладоней тлен надежно прижимает
К газонам мрачным, ветер тихо подвывает,
Как очумевшая от горестей вдова.

Болтливый дождь швыряет в мокрое окно
Вчерашних сплетен пошловатую несвежесть,
Ночную стынь тюленьих сытых лежбищ,
Слащавый пафос довоенного кино.

И каждый новый день толкает мир к зиме —
Хозяйке хмурой бесконечности России —
В её одеждах скромной гжельской бело-сини,
В её мечтах о добром, праведном уме.

Бренчит без умолку осенний метроном...

2019

Прощай, сестрица Кострома,
Твои угрюмые просторы...
Прощайте, люди и дома,
Места, приметы, разговоры,

Церковных маковок капель,
Костромичей забавный говор...
И всё, что не успел допеть,
Пускай останется другому!

Здесь был обманчивым покой.
Казалось, было вдоволь воли...
Но не слепился в счастье ком
Из откровения и боли.

Кого винить? Себя — смешно.
Другого нет «себя» в запасе.
А если б был, так, всё равно,
Купить не хватит денег в кассе.

Никто не выделит кредит
Затертых сотенных бумажек,
И в казино слепой «бандит»
Расклад удачи не укажет.

Сестрица Кострома, прощай!
Я уйду дорогой тряской,
А мимолётную печаль
Сотру твоей льняною лаской.

2019

...И не замкнёшь визжащий [-ей дуре] рот,
и зеркало пред ней не установишь —
старинное, во весь некрупный рост, —
чтоб видела, как жутко воеет

она во власти бабьей правоты,
саможаленья и борьбы бессильной
с собою доброй, инфантильной,
что полюбил когда-то ты.

Как женщине бороться тяжело
с заветным, божьим, мягким, нежным!
Какая всё же власть живёт в «назло»,
укрывшись в женские одежды!..

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ. АКТ ТРЕТИЙ

Куда запропастился брат Сальери?
Уходит день. Я жду его давно.
Аккорды, трели свежие спели, —
Вдруг не успеет яду влить в вино?
Моя душа нагою стать стремится,
И «Реквием» взрывает клавесин...
Слеза твоя падет убитой птицей,
Брат мой Сальери, вмиг лишённый сил.
Ах, тот скрипач?!

Мы сложим оба акта,
Сожмём в комок событий пластилин.
И не обидится на нас курчавый автор,
Вселенной русской бог и властелин.
Играй, скрипач, играй «Вой че сапете»!
Ты ж, друг Сальери, от бессилья вой:
Есть кое-что, мой друг, на этом свете,
Что возмутит порядок жизни твой.
А я пропью дар Божий, как получку,
Буфетчице талант свой заложу...
Но если, брат, напишешь песнь получше,
Колено преклоню я и скажу:
«Ты новый Гайден, я стою и плачу
Перед твоим бессмертным алтарём.
Укроюсь с глаз, как пёс шальной, иначе
Я и мой слух от зависти умрём!»
... Тебя всё нет. Как бедолага горький,
Рукой остатки трелей шевелю.
Аккорды на столе остылой горькой...
Как сладок яд! Я сам его куплю.

СИЗИФ

Качу валун по склонам горным
во тьме ночи, в пожаре дня...
Что это — дьявольская гордость
или познание себя?

Кем я наказан, кем отмечен,
в каких веках, в каких краях?
Хулил, грешил, не ставил свечи?
Или виной всему моя

гордыня русского *предбожья*,
что рвет в безумстве удила,
что в помыслах свершенья множит,
А в яви — мерзость и зола!

Вот я толкаю камень волглый,
сводя усилием мышц в бугры,
лишь для того, чтоб взглядом долгим,
узреть, как он падёт с горы.

Спускаюсь вниз тропую скользкой,
что дальше — вижу наперёд.
Я не унижен, мне не больно:
я знаю — Слово не умрёт.

И знаю, новый Бог родится,
А Зевс падёт в глуши ночей.
Глядишь, мой голос пригодится...
Но слышу я ответ: «Ты чей?»

А чей я? Свой, чужой, вселенной?
Иль князь страны великих бед?
И вот я камень тяжеленный
тащу вторую *тыщу* лет...

Играючи безумный гений
сценарий мрачный написал...
(А на пути так мало тени,
и жарит солнце в небесах).

«А ты что думал? Фунт изюму?
Да ты, Сизиф, идеалист.
Чуть подкати ещё, я сдуну
валун твой,
видишь, как он вниз

летит,
и все быстрее... Так-то!
Видать, не понял что к чему!»
И я бреду на место старта,
примериваюсь к валуну...

Катись гранитный мой соратник!
Твой путь извечен, как прибой.
Ты — рок,
ты — рай,
ты — ад,
ты — праздник,
Что вечно я ношу с собой...

СПРЯМЛЕНИЕ КРИВОЙ

Ничего нет проще смерти.
Было что-то. Нет. И — ноль.
Это — вне Господней сметы:
Просто исчезает пульс.
Гаснет камелёк дисплея,
Синусоиду спрямив.
Вряд ли кто-нибудь сумеет,
Вспомнить следующий миг.
Стол, распластанное тело,
Две руки легли на грудь,
Белый кафель, ликом бело
И зрачков недвижимых муть.
Пот сотрёт со лба дежурный:
«Время надо записать».
Телефон звонком бравурным,
Потревожит небеса...
В синеву дорогой ветра,
Не крича и не спеша,
Улетела птицей с ветви
Чья-то частная душа...

Иронические стихи

DEPARDIEU EN SARANSK

А вот и праздник на дворе,
Ликуют саранчане
Целует в жопу Depardieu
Мордовский их начальник!

И с ним мордовский наш народ
От счастья обмирает:
Какой мужик до нас идёт,
Не то, что «Пусси Райот»!

Стоит Жерарчик без кашне
По виду чуть поддатый,
А рядом с ним, но в стороне
Мордовские девчата.

Одна блин в рот ему суёт,
Сметаною политый,
А рядом референт снуёт
С открытою *поллитрой*.

Жерар — мон дьё! — почти визжит
И давится от смеха...
Давай-ка к нам Бардо Бриджит
Спасать зверушек с мехом!

А с ней и все, кто располнел,
Хоть раньше бойко прыгал.
Вот, скажем, нынче не у дел
Остался Stiven Seagal!

Добро пожаловать, Степан!
Дадим квартиру в Грозном,
Хоть возраст малость потрепал
И вид уже не грозный.

Ты, Стёпа, главное, скажи
«I love...» — кого, сам знаешь!
Сфотографируйся с «Анжи» —
И хату получаешь!

Давайте, братцы, все на Русь!
У нас квартир навалом.
Не надо хаты, ладно, пусть,
Тогда возьмите налом!

2014

«ИМПАЛА»

Я по натуре сам себе философ —
Ворон считаю, чепуху мелю.
Мне б бездуховных не любить «пиндосов»,
А я их почему-то и люблю...

Я помню жаркий пятьдесят девятый,
Сокольники: там выставка... С отцом,
Смотрели мы как жизнь тех самых Штатов
Являлась нам таинственным лицом.

Со мною рядом сам Аркадий Райкин
Вид обалдевший зрителям являл...
Был жаркий день. Какой-то парень в майке
Кричал другому парню: «Слышь, Колян!

Ты, паря, что ль узнай, где газировку,
Бесплатно посетителям дают!»
А бабка в крепдешиновой обновке,
Сказала со значением: «Не пьют

Дерьмо такое наши пионеры —
Коричневая, будто хлебный квас.
Хотя на квас и не похожа, стерва,
Вот лярд был по ленд-лизу — самый раз!»

Попил тогда я колы (квас получше!).
Да нынче «пепси», вроде, и не та.
Пописали с отцом на всякий случай,
И снова в павильон.

Там суета

вокруг машин...

Какие-то названия:

«Импала», «Кадиллак» и «Шевроле».

(А где же «т» в конце?)

Как сладко манят

Бесплатные буклеты на столе!

И с той поры название «Импала»

(Какой-то африканский антилоп!)

Мне в душу неокрепшую запало

и в голову вломилось через лоб.

Ни цвета, я не помню, ни модели,

Но кресла, помню, были, как диван.

Ах, если б мы вдвоем в «Импалу» сели

и понеслись вперёд.

Не по делам.

В обнимку мы с тобой сидели б вместе

И слушали, как джаз, мотора рёв!

А на переднем кресле?

Элвис Пресли!

Набриолинил чубчик, губошлёп!

2016

ОКОЛО Ф. М.

...Он подходит к подворотне...
Петербург, жара, июль.
Этот город на болоте,
Хоть в кого поселит дурь.

«Я — не тать! Идеи ради...
Ну, давай! Вопрос решён.
Боже, боже, как я смраден
Телом, мозгом и душой».

Редок волос на затылке,
Серым яблоком пучок...
Топором легонько тыркнуть,
Только взять бы силы, чёрт!

Месяц пролежал в каморке.
Баня. Гривенник сыскать!
Щи хозяйские прогоркли.
И тоска, тоска, тоска...

«Родь, а может переводы?
Есть уроки, подскажу».
«Так уйдут на *это* годы!
Я ж не тварь! Я не дрожу!»

Лизавета в блюдце дует,
Лоб ещё невинный цел...
Третьим классом мать и Дуня...
Родион! По средству цель!

На Сенной клиента Соня
Ждёт с омбрелькою в махрах.
А Идея сладко стонет:
Я готова, сделай шаг!

И топор уже на взмахе —
Ждут укладки в сундуке.
(Лужин ест в трактире раки!)
Ну, давай, топор. В пике!

Вниз летит с аршинной выси,
Полсекунды — и «Аз есмь!»
Нет — безумству казуистик,
Да — господству адских бездн.

«Так. Похоже, под кроватью,
Там, там, там, вот он родной!
А ключи должно быть в платье,
Лучше б деньги! Всё одно!

Но и это что-то стоит
на Кузнечном, — там и сбыть?
Кто-то в коридоре стонет?
Как я мог про дверь забыть!»

Всё! Уже и этой нету...
Вот такой он твой Тулон...
«Я видал обмылок где-то.
Миг! Замыть топор, и вон!»

«...Тот, который чувств лишился?
Сам пришёл?»

«Темна душа».

«Что же нынче за бесчинства?
Жизнь не стоит ни гроша».

«Он поляк?»

«Из Старой Руссы,
Православный, из мещан».
«И зачем на бабах русских
Злобу было вымещать?»

2014

ПОХВАЛА ПРОСТОТЕ

На свете сущее всё просто —
Природа, мысли, вещества.
Зачем судам, положим, ростры,
А человеку голова?

А судно лучше будет *плавать*
С девицей топлесс на носу?
А голова? Да только хавать
то, что в тарелке принесут!

Вот, скажем, был бы чистый Разум
Без ног, брыжейки, глаз и щёк.
И все дела решились разом —
На пальцев виртуальный щёлк.

И были б мысли без эмоций,
Идеи, музыки и слов.
Не нужен Бах, не нужен Моцарт,
Некрасов, Фет и Гумилёв.

Да вот корёжит мирозданье
Ненужной сложностью своей
то, что придумываем с вами...
А надо проще. Для людей.

2014

С НОВЫМ ГОДОМ, ОДНОСАЙТЧАНЕ!

Год «не очень» был, но, в общем,
Как всегда почти не ропщем.
Где-то складный, где-то скверный,
Год удачи эфемерной,

Год разлук, потерь и скорби,
Год находок в старой торбе:
Неожиданных, забавных,
Как экспромты пьющих бардов.

Новый год хохлатой птицей
Прилетает порезвиться
Над страной, покрытой снегом,
С разноцветным зимним небом.

Всё мы примем, что он даст нам:
Лишь бы нам остаться братством
Тех, кто вымыслы рождает,
(И над ними сам рыдает),

Кто со строк сдувает пенки,
Кто творит не за копейки,
А за лайки, рецы, баллы
И иной прибыток малый.

Всем, друзья, великих целей!
Чтобы хвори не задели,
Чтобы нытики не ныли,
Чтобы критики не били,

Чтоб в стихах поменьше мата,
Чтоб не банил модератор,
Чтоб шампанским беда смыло,
Чтоб «пучком» всё в жизни было!

Жизнь, она... не так плоха,
С Новым годом Петуха!

2016

БАНАНЬЕ...

Фаллос-фрукт, ведь он, жучок
Люб не только дамам, —
Раз иной и мужичок
Пару съест бананов.

Блогер есть такой Шмелёв...
Он в бананах дока.
Я его послушал, слёг...
Так мне стало плохо!

Мол, бананы эти есть
В самых разных странах,
Но в Россию надо *везть*
Только те банан**ы**,

Где на ящике клеймо
«Мэйд ин Эквадоре».
А сожрёшь другие, чмо,
Будет срам и горе!

Ой, чавэлы, ой *наны!*
Ел и кушать буду
С Эквадору бананы,
Больше ниоткуда!

Может, там какой-то яд
Впрыснули евреи,
И теперь в мене хотят
Вызвать диарею.

Знаю я (едва терплю)
Их моссадский почерк,
Хоть бананы я люблю,
Хрен, я съем кусочек.

Убегаю в туалет,
Хезаю, зверяя...
В Эквадор куплю билет,
Чтоб там бить евреев.

Ну, спасибо и на том,
Что открылись очи...
Как там с киви, с грейпфрутом —
Интересно очень!

2014

НЕУБИЕННЫЙ

Я лоток держу в руке,
Вижу: влаги нет в лотке.

Задаю вопрос: «*Сынул*,
Почему в лоточке нуль?

Писать надо, ты ж не йог,
Ну, давай, колись, *сынок!*»

Отвечает папе *сын*:
«Мы, папаш, в лоток не ссым,

Хоть домашний я, а зверь...»
«Всё, умолкни, вижу дверь,

А под дверью — лужа... та-а-ак...
Щас тут будет кот-мертвяк!»

До чего ж я мягкотел!
Я ж кота убить хотел!

Только, мата окромя,
Нет эмоций у меня.

Кот куда-то вышел вон...
Лужа, дверь, от лужи вонь.

Тряпка... надо пол помыть,
И... сыночка покормить!

2014

ОДА RATIO

О да, мы конформисты...
Так это же отлично!
Мелькает хаотично
Невольных мыслей рой.
А рот раскроешь с фразой
И скажешь, что обязан,
Как все, кто миром мазан,
И верно — не герой.

Что диссидента корчить?
Да и никто не хочет,
Лишь тот, кто озабочен,
Как юноша. Пройдёт.
Под дружный крик «ура!» ты
Вставь в уши ком из ваты,
Послав беззвучно матом
Всех, кто друг друга жрёт.

Хвостом мелькая куцом,
Пускай себе дерутся,
Под гомон революций
По чину отхватив.
А ты поставь Шопена.
Не хочешь? Пусть Джон Леннон.
Но, если откровенно,
Он тот ещё был тип!

Когда ж безвинно грохнут,
Посмертной славы грохот
Заглушит робкий рокот
Критических потуг.
Статисты и премьеры.
Карьеры и химеры.
Застой и перемены.
Щелчок! И свет потух...

2014

ОЧКИ

Пёс нахальный привокзальный
у меня очки украл
креативно, небанально.
Боже! Как же я кричал

на хвостатого, на татя,
вой мешая, мат и стон.
Был ухоженным он, кстати,
с шерстью гладко и густой.

Бело-жёлтыми клыками
тело нежное очков
он сжимал, а я руками –
вместе с добрым мужичком

(он за хвост держал ворюгу) –
всё пытался разомкнуть
пасть — слюнявую натугу,
и очки свои вернуть.

Пёс, очки мои — не мясо!
Пёс, я — группный инвалид!
Пёс, за них я денег массу
окулисту отвалил.

Ин-ва-лид! Имею справку,
правда, блеклую слегка,
и какую-то там сбавку
по оплате ЖКХ.

Ну зачем очки собаке,
даже если на носу?
Точно козырёк к папахе
или белый фрак в лесу!

Разожми же пассатижи
беспощадных челюстей!
Я же ничего не вижу
без очков. А между тем,

люди в зале ожидания
потешались, как могли.
Зрячим, им мои страдания –
Что в пустыне корабли.

Пот и стыд — смешно и глупо –
поезд через пять минут.
Вдруг кобель ослабил зубы
и очки мои вернул.

Целы, все в слюнях собачьих
Марш, родимые, на нос.
Вот как стать счастливым, значит...
Мой респект — вокзальный пёс!

2014

ПЕРЕЖИТОЕ

По кухне ползал таракан.
Путём коротких перебежек
Он пропитание алкал
Из крошек свежих и несвежих.

Над ним гремел бессильный мат.
Под мата гулкие раскаты
Он бегал... Мол, не виноват...
(А может и не виновата).

Да, не был в гендерный реестр
Он вписан строчкой чёткой пола...
Где особь спарится? Где ест?
В какой щели меж плиток пола?

Как одинок был таракан
Среди несметных рыжих множеств!
Ему бы сочинять роман!
Зачем ты мать его тревожишь?

Ведь он для жизни интерьер
Избрал замызганный, неброский
И не стремится, например,
В ту часть жилья, где в книгах Бродский!

Зачем его намерен ты
Расплющить в ноль китайским тапком
И в буре злобной простоты
Воскликнуть гордое «Вот так-то!»?

Он брат твой, рыжий хлопотун
Под нежно-строгим Будды взглядом.
Погладь его, сам сядь на стул
И посади с собою рядом.

Узнай, как звать, где жил, где рос.
Поговорите хоть немножко!
...Но вот ты тащишь дихлофос,
А он растаскивает крошки...

2014

РАССКАЗ СНЕЖАНЫ КАРМЕНКО

На фабрике табачной «Ява»
Кручу сигары, как Кармен.
«Почтовый ящик» где-то справа,
В нём Русь, кряхтя, встаёт с колен.

Там девки в норковых жакетах
Сдают на вахте пропуска.
Трепался кто-то, что ракеты
Здесь проектируют. Пускай!

Ох, вид же у меня и ладен!
Татуировка на щеке.
Айфон в куртяшке, в джинсах складень,
И сумка «Барбери» в руке.

А ножик куплен мной в «Ашане».
И из Иванова Хозе...
Свою товарку им подраню!..
И вот с Хозе я в КПЗ.

Мне соблазнить Хозе — два пальца,
Хоть полицейай, а всё ж мужик.
Ты, брат Хозе, на грудь не пялься,
Смотри какой! Ткачих привык

Ты соблазнять со сладкой миной.
А я из питерских цыган,
Вот позвоню *счас* Эскамильо,
Эх, кто бы мне мобильный дал!

Любовь свободна, мир чарует,
Законов всех она сильней.
Ой, девки, сердце моё чует,
Пришьют, шакалы, дело мне!

Хозе, ты ножик убери-ка,
Какой ни есть, а всё вещдок
А хошь убей, вон грудь открыта...
Эй, девки, есть мобила в долг?

2014

РЕМОНТ

Сломали писАлку недобрые люди...
Не будем о прошлом, о грустном не будем.

Отвёртку возьмём, пассатижи и клещи.
Есть слесарский навык. ПисАлку подлечим.

Сперва осторожно напишем двестишье.
Потом два катрена непылких напишем.

Мерцает призывно экран ноутбука,
Готов он под вспашку, но Боже: вот мука

Извлечь из себя хоть какое-то действие.
Да легче впасть в детство, слюнявое детство!

Народ потешать стариковской бравадой?
А может, не надо! А может, не надо...

Чужое читай, ядовито осклабясь,
Ведь это не зависть, ведь это не зависть,

А только анализа дружеский лазер!
Так хочется взять и очистить от грязи

Созвучий банальных стихи всех размеров,
От пошлых метафор монеты разменной.

И надо природе так мало, так мало,
Чтоб враз по весне разбудить графомана!

Стихов поглощеньем избавить от ломки,
И снова писАлки скрипят шестерёнки.

Пускаешь кораблик в ручье заблуждений,
А небо пугает грозницей весенней...

2015

СЛУЧАЙ С ПЕНСИОНЕРОМ В ОКОЛОТКЕ

Без дивана — не нирвана...
Если только лягу спяну.
Ну а спяну, где я встану,
Зуб последний чистить стану —
Безразлично, всё равно.

Только чтоб не вырезвитель,
Да их нет же? Ну, простите.
Лейтенант, друг, отпустите!
Что, испортил спяну китель?
Дело уж заведено?

Забирайте, что осталось,
Понимаю, это малость,
Ну простите деду шалость.
Нецензурил? Это ж фаллос!
Я ж не гопник, не таджик.

Главное в законе — строгость!
Понимаю! Что припёрлась?
Бабка? Ах, сегодня «Голос»!
Пропадай последний волос,
Как я к вам, ребят, привык!

...Зайка, ты прям молодая!
Что тут делаю? Не знаю.
Понятым, похоже, Зая...
Что ж ты хочешь — жизнь такая:
Шёл по улице домой.

Полицейский вдруг подходит,
В отделение отводит,
Вот сюда на стульчик содит.
Я чуток уставши. Вроде...
Выпивал? Ни боже мой!

Что? Дыхнуть? Не чистил зубы!
Зай, зачем же так-то грубо?
А вот если дам тут дуба?
Ты зачем надела шубу?
Что уж в курточке нельзя?

Лейтенант, так я свободен?
Я не понял, как так «вроде»?
Зай, без рук, сейчас уходим.
Зай, по шее! При народе!
Все на выборы, друзья!

2016

ТАКИЕ ВОТ СИРТАКИ

Хоть страна в глубоком мраке,
И дела (ох!) плохи...
Будем мы плясать сиртаки,
И горланить «Охи!».

Ганс есть Ганс. За всё заплатит
На глубоком вздохе.
Он заплатит, не заплачет,
А получит «Охи!».

Надо брать пример с Эллады,
Должен, скажем, Лёхе.
Ну, а отдавать не надо,
Хрен те, Лёха, — «Охи!».

Заказал «Досуг» услугу:
Девочки — неплохи.
Ты уж извини, подруга,
Нету бабок: «Охи!».

Вот хохлы должны за газ нам,
Карбованців трохи.
Подсобрали укры разум,
И Газпрому — «Охи!».

Может мне работу бросить?
Встану — руки в боки.
А тому, отдать кто просит —
Кукиш в морду: «Охи!».

Все теперь так делать будем —
Тёщи, тесты, снохи,
Свёкры... все, кто должен людям,
Мы как греки. «Охи!»

2015

ШЕСТИТЫСЯЧНОМУ
НЕИЗВЕСТНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Стучи мне в дверь, читатель неизвестный!
Скорей! (Ещё зайдёт шесть тыщ один...)
Иногородний ты?

Московский — местный?
Неважно, ноги вытри, заходи!

Бахил я не держу в своей прихожей,
Погода без дождя, ты говоришь?
Но, друг мой шеститысячный, ты всё же
Сними ботинки — здесь ведь не Париж.

У нас, глянь, во дворе разрыли землю,
Четвёртый раз монтируют трубу,
Нет, я, конечно, музам всяким внемлю,
Но мыть полы опять? Видал в гробу!

Что рифмы, что метафоры, земля!
Как доброго просили туфли снять!
Я до дверей добрался еле-еле,
Попутно вспоминая эту... мать.

Чего пришёл-то, выпить на халяву?
Коньяк увидел? Не в коня, чай, корм!
Вон дверь входная! Там в прихожей справа.
Сам пригласил? Товарищ, вы о ком?

Кто это был? Без формы участковый?
Иль сахар предлагали мне в мешках?
Читатель шеститысячный? Да что вы!
Как неудобно-то... Ушёл? Увы и ах.

2015

Пародии

В ПОИСКАХ ЛЮДЕЙ

Люди, люди — лес дремучий,
непролазный бурелом,
кто-то кручен, кто-то ссучен,
кто-то вовсе наизлом.

Евгений Израильский, сетевой поэт

Ищем, ищем мы людей,
Ищем в ночь мы, ищем в день,
Ищем вечером и утром,
Полагаем: ищем мудрых.
Но находим почему-то
Неприветливых и мутных,
Недоверчивых и злобных,
Лишь на нудный мат способных.
Может в этом ареале
Их и нет, кого искали?
Видно плохо мы искали,
Иль не в той искали стае.
Глянь на кошек, глянь на птиц
Сколько милых добрых лиц!
Сколько умных, добрых сердцем
Средь ворон, скворцов и «персов»...
Но! Не для червя и мыши.
И стихов они не пишут.

2015

РАЗГОВОР НА ВОКЗАЛЕ

Вот плюнешь и пойдешь по шпалам...

А тут и gloria sic transit

От древнеримского вокзала...

Наталья Перстнева «Глория»

Одесский поэт Наталья Перстнёва, наверное, полагает, что в Древнем Риме существовали вокзалы, от которых отправлялись в разные концы пассажирские составы из ослов и мулов — что ж, возможно...

Вокзальчик древнеримский, я пиво пью в буфете,
На тоге долгополой нашивка «За Спартак».
А вот патрицианка в элладском туалете
(В одежде то есть ихней — да вы не лыбьтесь так!).

Скажите мне, Венэра, куда вы и откуда?
Неужто из Одессы! А я из Сиракуз.
А завтра в Колизее смотреть «Электру» буду!
И вы? Ой-вей, я вижу, у вас хороший вкус.

И что ж, бог мой, за нимфы живут в Одессе-маме!
Я чувствую, что этот столичный папа-Рим
В сторонке курит нервно. Но это между нами,
Давайте за Одессу чуть-чуть поговорим.

Я помню, раз купался весной на Ланжероне,
Гетэрочки в Одессе у вас — чтоб я так жил!
Но строги были нравы при этом, при Нероне...
Я чуть к преторианцам тогда не угодил.

А раки на Привозе, ой-вэй! Бычки и сало!
А пляски в Сатурналий! Все ноги оттоптал.
Как жалко, что в Одессе я был немного мало!
Симпозиум же скоро! Так встретимся мы там.

Вот вам моя визитка — египетский пергамент.
Я бизнес там имею, на Крит вожу рабов.
Немного незаконно, но это между нами,
Шо деньги? Тлен и пепел! Ведь главное — любов...

Так может по коктейлю? «Амброзия с нектаром»?
О! Сильно муж ревнивый. Ах, он и консул наш!
Да, император Клавдий таких давил недаром...
И тут я враз проснулся. То сон был? А, Наташ?

2017

НАШ КОМПАС — РЕКЛАМА

Страну поделили, народ обобрали.
И все из-за ширмы ненашей морали...

.....

О джинсах мечтал, но они голубые.
Теперь на штаны соглашусь на любые...

Александр Шведов

Какие, поэты, у нас идеалы?
Да их разменяли на мелочь менялы.

Мосфильм и «Довженко» — иллюзий заводы,
Мозги промывали подростку-народу,

Который в реальностях «Маленькой Веры»,
Плодил в голове сладострастно химеры.

И кажется явью, что было на плёнке.
Бывает. У женщин. «На дне». У Настёнки:

«Рауль обещал с левольвертом и клятвой
“Безумно любить и жениться”. Проклятый!»

Плодили мечты о былом для подростков,
Зачем им мозги? Обойдутся и костным.

Не хмурься, поэт, лет пройдёт, может, сорок,
И будет у новых мечтателей морок:

Как жили тогда! Творожком наслаждались!
В тарифы Билайна и в «Фэри» влюблялись.

Какие прекрасные дружные семьи!
Как дешево были за городом земли!

Наш компас — реклама: в ней, честное слово,
внучат идеалы.

Как Жаров с Орловой!

2014

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Анна, курсистка, бестужевка, милый дружок,
Что вы киваете так отрешённо и гордо?
Видимо, вечером снова в марксистский кружок,
В платице жертвенно-строгом, под самое горло?

.....
Может быть, если бы вовремя уговорил,
Мне бы спасибо сказал Государь Император.

Дмитрий Быков

Галя, зачем на собрание вечером вы
Бодро шагаете, чтобы громить там троцкистов?
Мы бы сейчас побродили по паркам Москвы,
Съели пломбира грамм двести,
а может быть, триста.

Лиза, почто вы, мой друг, отреклись от отца?
Он же носил на руках вас и не был шпионом.
Я бы сейчас проводил вас домой. До крыльца.
И поклонился ему жениховским
стыдливым поклоном.

Вера, зачем же вам карие портить глаза —
Вечером в кухне «сигналы» строча про соседа.
Он же про Сталина вам ничего не сказал,
Только про очередь, где простоял до обеда.

Комнаты, правда, аж две на двоих у него,
Окна во двор, а у вас лишь одна угловая.
Лучше б мы с вами сходили, Веруша, в кино
Или во МХАТ, где сегодня «Любовь Яровая».

Переводы

Юрий Тригубенко

ЖИЗНЬ

(с украинского)

Что в мироздании лучше жизни может быть:
Изведать сладость чувства,
мыслей мир постигнуть,
Бесстрашной птицей лихо
в ветер хлесткий прыгнуть,
Лучами первыми глаза свои умыть.

Увидеть трещины в асфальте майским днём,
Что нежным стеблем одуванчика пробиты,
И, проиграв судьбе решающие битвы,
Ожечься родственной души благим огнём.

Что в жизни лучше может быть любви простой?
Моли о даре этом; вымолив, не требуй
Довеском золота.

Любовь — краюха хлеба,
Что путник грустный взял
в поход неспешный свой.

Прослыть безумцем в этой жизни не стремись.
Тебе итак присвоит серость это званье,
С ухмылкой звякнув фразой
«молодой да ранний»...
А ты ответь брезгливым и коротким «брысь!».

2018

Юрий Цюрик
ЗАСНЕЖЕННЫЙ БЕРН
(с украинского)

Оригинал в значительной части состоит из описаний красот этого альпийского города, в котором я, похоже, уже не буду, увы, никогда. Так что — извините... И как тут с грустью не вспомнить древнее русское присловье:

— Вань, ты кур едал?

— Видал, как барин едал...

Но там же есть и про ЛЮБОВЬ!

Вот эту тему я и постарался превратить в некую историю...

Вдруг вспомнились Альпы и чинный наряд
Старинного Берна, и наши прогулки,
Бургундского вкус, восемь танцев подряд
В ночном кабаре, беззаботном и гулком.

Как было давно это счастье, о чёрт!
И эти шальные красотки в Бриони,
И тот разговор... Вот бы вспомнить о чём?
И запах твоих беззащитных ладоней,

Которые так я хотел отогреть
Дыханьем баллад, тёплым ветром романсов...
А Берна огни продолжали гореть,
Каким-то таинственным розовым гляncем.

Он, город любви, засыпать не хотел,
Как в ночь выпускного вчерашний подросток.
Нам дверь отворил равнодушный портье,
И всё совершилось... безумно и просто.

Не верьте вы снобам, цедящим слова,
Что бернские зимы бесцветны и сонны!
В ту зиму готов был я целовать
Фонтаны, Аре и альпийские склоны.

Развеялись блёстки цветных конфетти,
Портье, улыбаясь, повесил на доску
Увесистый ключ... «Скоро поезд, прости,
Пора возвращаться к родимым берёзкам».

2019

Роман Цимберов
ИГРИВЫЙ ГУЛЛИВЕР
(с белорусского)

Игривый Гулливер над плотью городской
Рукой воздушной беспокоит кроны,
Летит бесхозная семья листвы зелёной,
И вечно снится ей несбыточный покой.

Секундный перерыв — затёкшая рука?
Покой неужто дарит им фортуна?
Но нет, ещё сильнее ветер дунул,
И осень так безжалостно близка.

Осенний адский сон: картель голодных псов
На пустыре помойном молча окружает...
Но ветер стих, видать весна рождает
Весёлый, мокрый Март, и ты любить готов.

2019

Elizabeth Barrett Browning
КАК Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ?
(с английского)

Как я тебя люблю?

Боюсь, ты не оценишь

Моей любви глубины и широты...

Вот нет тебя, и бытие лишь фетиш

Пустой. Без благодати и мечты.

И каждый миг любви моей такой огромной

При солнечном сиянии и свечах

Течёт, как кровь, естественно и ровно.

Так молится без похвалы монах.

Печали и мечтанья дней таких далёких

В любовь мою фундаментом легли,

Потеряны святыни, воздух в лёгких...

Как давит он, как сердца ком болит!

И если жизни вдруг конец настанет,

И там мой дух любить не перестанет.

2018

ПЕСНЯ О СМЕРТИ

(с украинского)

НИК Краб: <http://www.stihi.in.ua/avtor.php?author=46613&poem=267297>

Молвят люди: ты умрёшь
И, шагнув с порога,
Нить златую оборвёшь,
От души до Бога.

Но я жить хочу. Не век,
А немного дольше,
Снег встречать, январский снег,
И июльский дождик.

Листья клейкие весны,
Октября печали,
Лица милые родных,
Млечный путь ночами.

А богатства ртутный дождь
Мне Создатель не дал,
Да с собой и не возьмёшь
Капли те на небо.

Подхалимов сладкий вой,
Славы выхлоп пьяный
Не возьмёшь туда с собой,
Нет в гробу карманов.

Прорастёт дурман-трава
Надо мной в апреле,
Ухнет серая сова,
На зелёной ели.

Свиристели пропоют
Песню утром летним,
Люди водку разольют
Над холмом соседним.

И вечернею порой
Где-нибудь в Коломне
Кто-то молвит: был такой,
Отчества не помню.

2018

ПРОФЕССОР

НИК Королева Эс:

<http://www.stihi.ru/2018/10/27/6499>

(с французского)

Сюжет провинциальной поэтессы:
Влюблённая студентка и профессор.
Кружила в относительном покое
Меня судьба и вдруг, бог мой... такое.
Сижу за партой, а в душе романно:
Ты де Бюсси, а я твоя Диана,
Зачем мне мир придуманных историй?
...Обшарпанный мирок аудиторий,
И ты в линялом свитере под горло...
Ведь я всегда была холодной, гордой,
А здесь стою над пропастью, у края,
И вот прыжок. О! То случилось в мае.
Как мы сливались в озере счастливом,
Как мы порою бились до разрыва,
Как мы рвались к безумному пределу,
Когда сгорают враз душа и тело,
И «мнений света» напускная строгость,
И знанья груз, что будущее — пропасть.
И я была то ангелом, то стервой,
И не был ты моей любовью первой...
Последней? Никогда не зарекалась,
Ведь нужен только взгляд... Такая малость.

2018

Маргарита Шеверного
СТИХИ ПРО ЗЕЛЁНОГО ДРАКОНА
(с украинского)

На Горке, на Владимирской Дракончик мой живёт.
Похож на динозавра он и травку лишь жуёт.
Ему пещерку вырыть бы и спрятаться туда,
Да нет лопатки остренькой в хозяйстве — вот беда!

Зелёный, словно травушка, что ест он на обед...
Но знаю, что мечтает он сменить постылый цвет.
«Хочу я быть, как солнышко, быть рыженьким хочу!
Ну, может, чуть коричневым, и красненьким чуть-чуть».

Об этом он приятелю пошепчет на ушко,
Хотя в *зеленофобии* признаться нелегко.
Они ведь оба жвачные — Дракончик и Пегас...
Простите, не успела я ему представить вас.

Итак, мой друг, не местный он, с Олимпа прилетел,
Чтоб обсудить с Дракончиком с десяток важных дел.
Копыто подал вежливо и сразу — в разговор,
У них ведь темы важные, и посторонних — вон!

Народ интеллигентнейший — куда уж грешным нам:
Анапесты, и дактили, и пятистопный ямб!
Сидят себе на лавочке, стихи читают вслух.
Порой Пегасик крыльями гоняет наглых мух.

Какие, бог мой, женщины, какие щи-борщи,
Когда идёт дискуссия двух гениев-мужчин!
Когда тут обстоятельный, неспешный разговор:
Духовные концепции, Хайдеггер, Кьеркегор...

Пардон, а может хватит вам трепаться, господа!
Налеплены вареники, кипит давно вода,
Ну что в траве хорошего, зелёной, вы нашли?
Ведь у меня, Дракошечка, найдётся, что налить!

А вам, товарищ с Греции, насыплю я овса,
Крыла пропылесосите — и ночью в небеса.
Но может, все ж останетесь, зима уж на носу,
А я до свежей травушки овса вам припасу.

Смотрю в глаза приятелей: ох, как бы не спугнуть,
Согласны, ну и ладушки, тогда — скорее в путь!
Метро ещё работает, пять станций до меня,
Пора варить вареники, да песни сочинять.

2018

Раиса Татаркова
ТУФЕЛЬКИН ДЕНЬ
(фантазия в переводе с украинского)

В жарком месяце июле,
Прибежав к себе домой,
Чьи-то туфельки уснули:
День у них был ой-ой-ой!

Утром спрыгнули на травку,
Осмотрелись, видят: кот
Мирно греется на лавке
И, похоже, их не ждёт.

Покормить кота хотели
Манной кашей, только он –
Шмыг в кусты. Ну, в самом деле,
Что за важный фон-барон!

Со щенком соседа Юрки
За мячом гонялись вскачь,
А потом играли в жмурки
С Юркой, позабыв про мяч.

Побывали даже в луже,
Что осталась от дождя,
Но намокли лишь снаружи,
Что носочки подтвердят.

Прыгали через скакалку
Раз... подряд, наверно, сто.
Только бабушка, как жалко,
Позвала: «Пора за стол!»

Телевизор посмотрели
Только, правда, полчаса,
Пересели на качели,
Полетали в небеса.

С братом Юркиным Илюшей,
Налепили куличей,
А малыш вдруг их разрушил...
Нет, скажите, вот зачем?

Дружно жали на педали,
Чтобы Юрку обогнать,
Но с крылечка закричали:
«Ну-ка ужинать и спать!»

Лампочки зажглись в окошках,
Жаль, что быстро день прошёл,
Как же туфелькам на ножках
Бегать было хорошо!

Встали рядышком у стула,
Посмотрели на кровать,
Видят: Зиночка уснула,
Ну, и им пора поспать.

2018

ТЫ ЖИЗНЬ МОЯ, ЛЮБОВЬ
(с украинского)

НИК: Ксюшка

[http://www.stihi.in.ua/avtor.](http://www.stihi.in.ua/avtor.php?author=45870&poem=87511)

[php?author=45870&poem=87511](http://www.stihi.in.ua/avtor.php?author=45870&poem=87511)

Любовь, ты жизнь моя,
Незримая, бескрайняя...
Ты страннику — маяк,
А мне ты — сладость тайная.
Ты крепкое вино,
Сполна в бокал налитое,
И перед смертным сном
Восторженно испитое.
Ты — растворённый яд,
И нет противоядия;
На дно летящий клад,
Под тонущих проклятия.
Ты в колыбели спишь,
Под чистою пелёнкою,
Обманчива, как тишь,
Перед грозой звонкою.
Ты то, за что отдашь
Последнее желание.
Ты — молчаливый страж
Всех замков без названия.

2018

Димитр Ганев
ХОЧУ ТЕБЯ
(Перевод-фантазия с болгарского)

Буду ждать тебя ранней весной,
Истекая во влаге сосуллек,
Где волнуня толпы шумный рой,
Лик неведомый сердце рисует.

Буду ждать я и летом сухим
На песке до ожогов прогремом,
А рассвета шафрановый дым,
Будет мне полотном для портрета.

И в дождливых осенних слезах,
Ручку зонтика нервно сжимая,
Буду ждать я. Как грозы в горах,
Звук шагов твоих тихих, родная.

И косматой недоброй зимой,
Растопив жаркой плотью сугробы,
В ожидании я, сам не свой,
Представляю тот край, где мы оба

На тугой шелковистой траве,
Как потоки ручьёв сумасшедших,
Рвём плотины... Ты только поверь,
В то, что голос мой тихо прошепчет.

2018

Георгий Моверман (2008)

Жора Моверман с сестрой Ларисой (1953)

Мы едем за туманом. На платформе Северянин (1965)
А. Рязанов, В. Федосеев, Ю. Степенков, Г. Моверман, А. Скворцов,
В. Азаров, А. Дубиняк (слева направо)

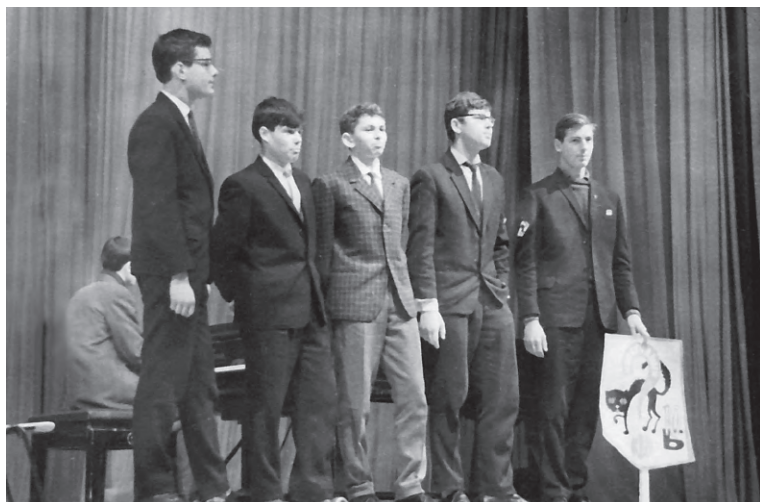
Туристы: «Раз картошка, два картошка...»
Г. Моверман (справа) и Ю. Челноков (1967)

Атлет и мыслитель

«Газета не только коллективный пропагандист...»

Играем в КВН (1965)

А. Дубиняк, Г. Моверман, И. Радчик, Ю. Челноков, П. Джонсон

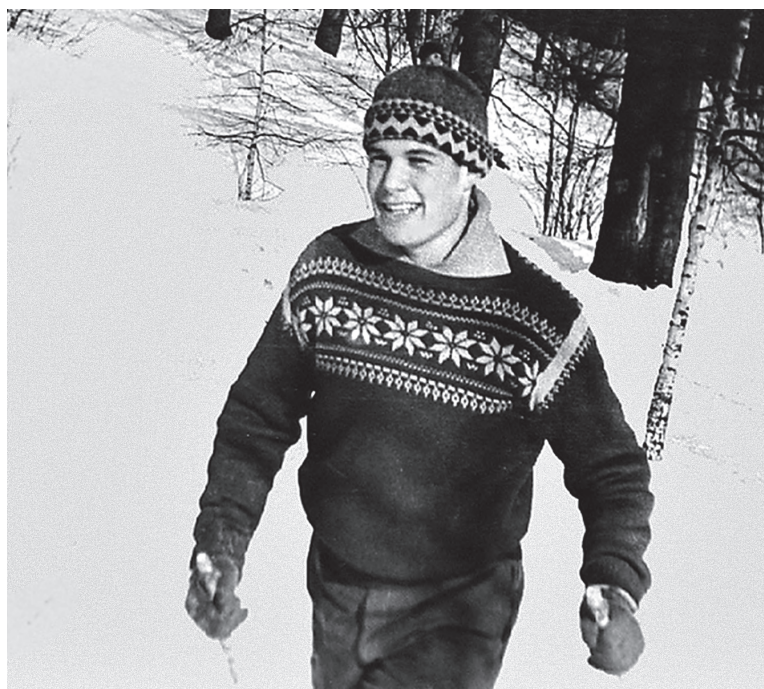

Играем в КВН (1965)

В. Дуленков, С. Гуляев, Г. Моверман, Ю. Челноков, А. Дубиняк,
В. Федосеев, И. Радчик, В. Азаров (слева направо)

Георгий Моверман.
Зимний портрет в интерьере эпохи
(60-е годы)

На лыжах

Г. Моверман, А. Порганский, И. Радчик, Л. Гомберг

Выпускники

(Слева направо, 1 ряд) Н. Баканов, И. Радчик, Г.Моверман
(2 ряд) И. Мартеев, А. Рязанов, Ю. Степенков, В. Дуленков,
А. Портанский, В. Азаров

Экзамены

Георгий Моверман (третий справа)

Три мушкетера (1968)

Три мушкетера двадцать лет спустя
И. Радчик, В. Дуленков, Г. Моверман

Георгий
Моверман (1982)

В. Дуленков. Г. Моверман, А. Дубиняк (1987)

Г. Моверман читает свои стихи

Георгий Моверман. Дружеский шарж
Художник — Владимир Мочалов

«Жизнь такая долгая, а проходит так быстро!»
Л. Гомберг, Г. Моверман, А. Дубиняк, И. Радчик
в Коломенском (2005)

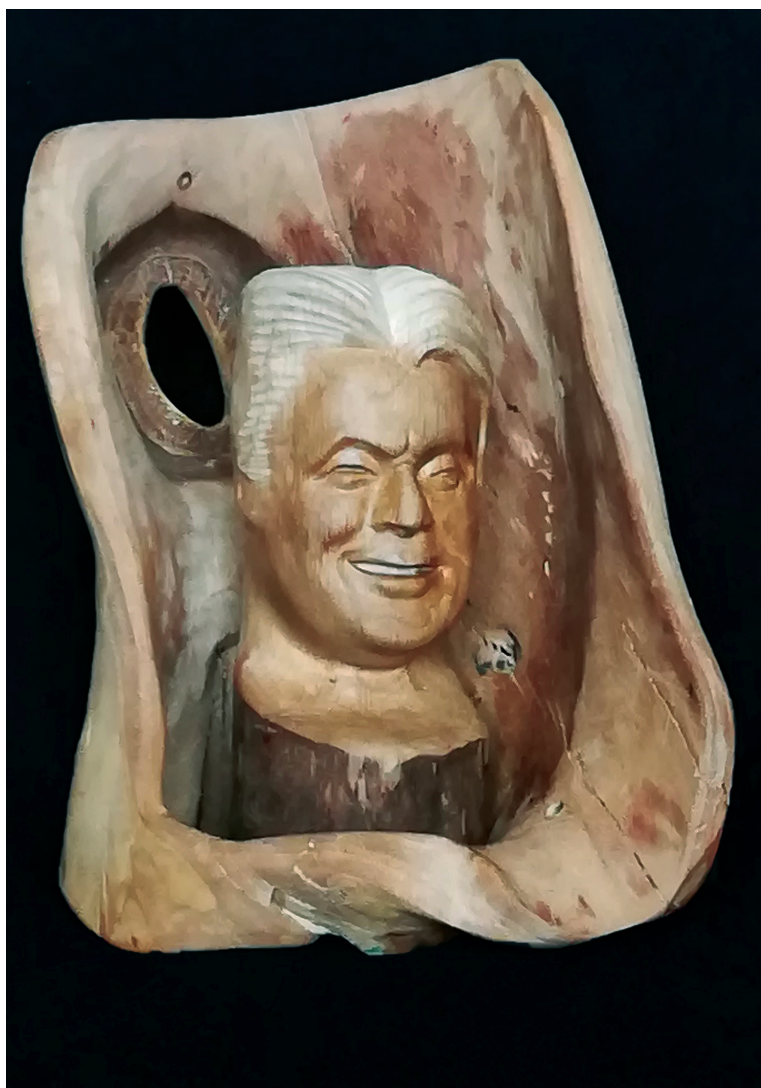
Одноклассники (11 «Б» 279 шк.), их жены и друзья (2008)
(Г. Моверман второй слева)

Всегда в дороге. Амстердам
Г. Моверман и И. Радчик

Георгий Моверман с внучкой Зиной (2016)

Георгий Моверман. Скульптура Валерия Федосеева

ПРОЗА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Ссаннькя, иди в **избу!**

Крик Фрузки Хухриковой раздаётся по всему Церковному проезду, и толстый губастый внук её, тоскливо поглядев на небо и на увлечённо игравших с ним в «штандер» товарищей обоего пола, бросает только что доставшийся ему мяч, неслышно бормочет безгрешным детским ртом нехитрые матерные слова и идёт к бабке.

Для оставшихся это означает, что и их мамки, бабки, тётки и другие ответственные лица скоро позовут жрать.

Ох, и дисциплинирован он, этот Сашка Хухриков!

Знает он, что в случае чего дед Алямс без всяких сантиментов отдерёт его мясистый зад старым добрым плешивым ремнём, а вот бабка Фруза, та только и может, что ябедничать мужу на внука, самой поднять руку на «безотцовщину», нагулянную непутёвой дочкой Томкой, совесть не позволяет.

В честь деда он, Сашка, и назван. Их три брата Хухриковых — сам Алямс, Грик (Гришка) да Дрюк (Дорофей) — переехали в конце двадцатых в Москву с Рязанщины, как и Сорокины, Пушкины.

А вот евреи, там Финкели, Гришко, Шейндельманы, Винницкие, почти в то же время поселившиеся всем кагалом друг об друга, — те прибыли с Винничины да со Станиславщины*.

Ну и русские, хохлы, татары, как урождённые «московскими», так и понаехавшие Бог весть откуда, тоже живут, тужат, любят, кого любится, злятся, на кого злобится, сплавленные в одной вагранке, называемой просто «Село»...

На широких просторах безалаберной Москвы, в получасе пешего хода от северной оконечности Крестовского моста, не широко, но и не очень скученно по обе стороны Ярославского шоссе оно — Село — и раскинулось.

*Станислав, ныне Ивано-Франковск

К слову сказать, застались автору времена, когда поезда московского метро со станции «Рижская»* шли в сторону центра до следующей станции «Ботанический сад», а от центра — до станции «Мир».

А в описываемые времена про метро в тех местах и не мечталось... Село с севера граничило с таким же селом Ростокино, дальше шло Марфино, чуть в сторону — Останкино, с юга Село переходило в Марьину Рощу, свернув направо можно было скоренько попасть в Сокольники.

Да и до центра города было, считай, рукой подать, недаром же поблизости от Села в 1939 году построили самую главную достопримечательность северо-востока — Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Рядом с Селом располагались и вторая фабрика Гознака, и Школа, и «серый дом», и другие серые и по-большевистски лаконичные прямоугольные сооружения. Ну а вокруг этих мрачных, безрадостных доминант роились деревянные, редко двухэтажные домики и бараки, где жило разномастное и многонациональное население, которое работало, отдыхало, пило, дралось, рожало детей, хоронило на окрестных кладбищах тех, кому единые для всех народов высшие материи дали, наконец, возможность уйти из этого неласкового мира.

Кроме окрестных сёл вокруг Села были и другие сгустки человеческого присутствия, называемые забытыми ныне именами: Цыганский городок, Казанка, Мазутка...

Посреди Села струилась неширокая речка под названием Копытовка. Может, во времена царя Алексея Михайловича и была Копытовка чистой и рыбной, но во всё обозримое впоследствии время была она местом слива небогатых по номенклатуре помоев всего окрестного населения, поэтому в просторечии чаще называлась она Тухлянкой.

Текла Копытовка быстро, воняла противным букетом запахов, но не так уж и противным, чтобы на её берегах приходилось зажимать нос, и говном почти совсем не пахла. А может, обитатели прибрежного Села привыкли, тем более что

* Сейчас в центр — «Проспект Мира», а из центра — «Алексеевская»

во дворах с выгребными ямами тоже не больно-то «Красной Москвой» и «Персидской сиренью» благоухало.

Впадала Копытовка в Язу примерно в полутора километрах от Села рядом с Ростокинским акведуком, и аккурат в месте слияния рек торчал на болотистом лугу остов «виллиса», но это уж после войны.

Богу в радость, людям в утешение стояла на пригорке с правой стороны, если идти от центра, Тихвинская церковь, которую всё без исключения верующие православно или в иных богов, верящие в коммунизм и не верующие вовсе называли «Алексеевской».

Ходили из центра до Ростокино или Останкино по Ярославке трамваи, ездили редкие машины, автобусы, устремляясь либо в Город, либо, наоборот, — на ВСХВ, Союздетфильм и дальше в Бабушкин, Мытищи, Болшево, Загорянку и прочие обитатели Подмосковья.

Много чего ещё интересного было в Селе и окрестностях; сейчас уж и голов-то почти не осталось, в которых сохранилась топонимика здешних мест довоенного периода.

Поэтому, если в этом повествовании и могут отыскаться разные неточности, вряд ли дотянут они до гордо-обязывающего термина «фальсификация», да и краеведам — будем надеяться — вряд ли этот текст на глаза попадётся.

Жили Гришко в правой стороне Села, если встать на Ярославском шоссе задним местом к старой Москве, и были в той части две магистрали местного значения: Церковная Горка и *ихний* Церковный проезд.

Для любителей скрупулёзно проверенных фактов могу сказать, что там вроде как был ещё один то ли тупик, то ли переулочек, название которого невозможно найти даже в такой всезнающей помойке, как Интернет, — я пытался, да без толку. Ладно, Бог с ним, с переулком, будем считать, что улиц на правой стороне было две.

С левой стороны шоссе была одна улица Извилистая, объединявшая домики, стоявшие на том месте, где в начале ше-

стидесятых гордо взмылась на хвосте из титановых листов ракета, по виду зенитная.

Церковная горка была улицей в полном смысле этого слова, а вот Церковный проезд представлял собой продолговатое убитое ногами пространство меж деревянных домиков, проходившее по пологому склону от Ярославского шоссе до бревенчатого моста через Копытовку, где он соединялся с Церковной горкой. За мостом же одиноко и гордо Церковная горка шла до Алексеевской церкви и одноимённого кладбища.

Проезжали ли когда-либо по Церковному проезду машины, не запомнилось, но, похоже, по особой надобности, вроде похорон, проехать было можно. Но проезд сильно бы затрудняла стоявшая практически посредине колонка, которая, в свою очередь, мешала ребятам играть в лапту, шандер, футбол, «ловлюбол» и другие подвижные массовые игры, а игры эти, также затрудняли забор в ведра серой шипящей воды, что вызывало у взрослых взрыв жёсткой, но справедливой ругани.

Всё это общее пространство называлось Двором, от которого ответвлялись междомовые загончики, стихийно получавшие названия «двор Мухиных», «двор Финкелей», «двор Дониных» и так далее — обитель тихих игр и первых эротических впечатлений: «Колечко, колечко, выйди ко мне на крылечко», «Я садовником родился, не шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме...».

У Гришко своего двора не было, они делили домик с семейством Хухриковых.

Самойло Гришко когда-то ещё в двадцать втором году, перебравшись в Москву из Каменец-Подольска, арендовал у Сашки Алямса полдома, постепенно наполняя его домищадами и чадами. В двадцать девятом году Самойле даже пришлось вступить в недолго просуществовавший колхоз под забытым даже им названием, вследствие чего он с полным основанием мог иметь полуанекдотический статус «еврея-колхозника».

Самойло рано стал круглым сиротой, воспитывался в семье Юзика Канторовича, который быстро приспособил не-

многословного сообразительного парня к вполне нормальному в тех местах ремеслу, которое в поздние советские времена получило грозное по последствиям (коли поймут!) название «незаконные валютные операции».

Вёл их Самойло, по всей видимости, достаточно «штатно». (Используем это излюбленное в космической области определение, так сказать, вроде оговорки по Фрейду, в связи с тем, что окрестности Села также славны были наличием мест, связанных с покорением вселенских далей и ширей: дом Королёва у ВСХВ, «таун-хаусы» космонавтов на Ново-Останкинской, да куча натканных там и сям «почтовых ящиков».)

Имел Самойло небольшие, но устойчивые деньги, как-то проскочил по верхам первой мировой и гражданской войн, а в двадцать первом году женился на дочери стекольщика Аарона Гутмана Берте.

Берта была красавицей в том смысле, какой вкладывался в это понятие в те далёкие от нынешнего фотошопа годы. Сейчас, когда женская половина русского народа, что по-молже, приобрела усреднённую внешность персонажей иллюстрированных изданий, трудно понять, почему люди во времена оны восхищались красотой, например, Незнакомки Крамского.

Посмотришь, ну чисто конкретная Анжела с Тимирязевского рынка!

Записные красавицы начала века Ирина Юсупова, Инесса Арманд, Ольга Книппер и многие другие нынче, боюсь, не прошли бы банальный модельный кастинг; только, пожалуй, дочерей Николая Второго можно считать красивыми девушками с точки зрения современного восприятия.

Берта же имела потрясающей густоты, длины и волнистости волосы, аристократический нос с горбинкой, гармоничную корпулентность и осанку, а также внешне схожих с ней четверых сестёр и двух братьев. Войну пережили она и младший брат-москвич Зиновий да младшая сестренка Мэра из Николаева.

Старший брат Моисей погиб на фронте, а все остальные упокоились в сорок первом году во рвах с пулями в головах.

Рассказывали выжившие, что дед Аарон имел-таки возможность уехать с семьёй на восток, но встал на дыбы:

— Чё вы идиёты бегите как крысы, я уже имел дело с этими бошами в восемнадцатом годе, ну получил пару раз нагайкой по жопе, уже и зажило.

Немцы — культурные люди, под заборами не срут!

Берта с удовольствием рассказывала своим детям, а после войны и внукам о том, что она и её сёстры больше всего любили учиться, а она ещё и петь, — даже была солисткой в синагогальном хоре.

Когда до Каменца (так они называли свой родной город) дошло триумфальное шествие советской власти, маэстро Хаим Березовский собрал всех участниц хора и сказал:

— Я тут достал ноты, а Шмулик Яцевич написал слова, что-то такое про пролетариат, песня называется «Ин-тер-на-ци-о-нал». Значит так: Ты, Бетя, будешь солировать, за вечер разучишь, мелодия, кстати, неплохая.

Завтра нас будут слушать товарищи Вольфсон и Кравченко, лучше не кобениться, это таки уже не те временные *штынкеры** из Черновиц.

Пела Бетя хорovým манером революционное «Реве та стогне» и всякое другое аккурат до замужества, а после того, как стала она Бертой Аароновной Гришко, Самойло это баловство прекратил, и без особого сопротивления получилась у него образцовая приготовительница домашней пищи и воспитательница детей, а впоследствии внуков.

С тех времён осталось и у неё, и у Самойлы страстное до фанатизма желание во чтобы то ни стало дать своим детям образование. Потом страсть эта перешла от них к тем самым детям и постепенно (затухая) к внукам этих детей, время жизни которых как раз пришлось на возрождение и расцвет хитрого Гришковского бизнеса.

Почему Самойло переехал в Москву, Бог весть; может, в большом нэповском городе легче было вести непростое это дело, тем более что и Юзик Канторович уже живал здесь.

* Говнюк (идиш), здесь — комиссар Временного правительства

Но кончилось всё это тем, что на Тишинском рынке к нему подошли двое...

Обошлось это ему всего в смешных три дня ДОПра*, потерей всего накопленного и пожизненной стези продавца в магазине все того же Юзика.

(На самом деле, «магазин Юзика» означает лишь то, что гр-н Канторович Юзеф Пинхасович был назначен директором данного магазина с соответствующей записью в трудовой книжке).

Старшую дочь Лизу и сына Вольфа Берта ездила рожать в Каменец, младшая же Галина («Голда» по паспорту) уже была самой, что ни на есть москвичкой.

Шли годы. Лиза с отличием окончила школу и собиралась поступать во Второй медицинский, Вольф хорошо учился и не хулиганил, Галка вовремя перестала писать в штаны... Но однажды в теплый безоблачный день квадратный громкоговоритель на столбе рядом с Марфушиным сараем, прервал хорошую песню, и плохой оратор Молотов доложил сельчанам, что: «вероломно, без объявления войны», но «наше дело правое и победа будет за нами».

Самойло двадцать пятого июня был призван, попал в связисты, Вольф с неподдельной серьёзностью дежурил на крыше «серого дома», Лиза готовилась в санитарки, Галка сопровождала Берту во всех очередях.

Лето шло быстро, настал октябрь, отдалённость Села от центра не позволила им в полной мере понаблюдать и поучаствовать в документальном фильме «каждый за себя, уноси, что поместится на тебе», видели они только бесчисленные «Захары» и «Эмки», движущиеся куда-то туда, к Мытищам и далее.

Однако в Селе начались какие-то странные человеческие мутации, слишком внимательные взгляды ловили они на себе, чудились им и разговоры сквозь зубы, а то и вовсе молчание.

* Дом предварительного заключение

Однажды тёмно-серой осенней ночью Берта пошла с Галкой на дальнюю колонку за водой. Была плотная облачность, бомбёжек не ожидалось, да и не было у них по этому поводу особого беспокойства. Начали было рыть в саду Пушковых Ивана и Лики (земля там помягче) общую траншею, да Иван, обладатель хронической грыжи и ночной сторож, посмотрел на них, сплюнул и сказал:

— А где я, вашу мать, картошку буду сажать? Идите вон к Копытовке, там и ройте.

Они тоже плюнули, отдавшись вековой лихой народной мудрости: «Хоть бы хрен рубаха бела, а не бела — хоть бы хрен!».

На колонке набирал воду едва знакомый старичок с Церковки.

Напор был ещё хороший, со стороны «Манометра»* виднелись лучи прожекторов, утопавшие в облаках.

Увидав их с Галкой, старичок заулыбался.

— Щас, девушки, я закончу, вот второе ведёрко уже вешаю... Ты, какая быстроглазая, мамке помогаешь, это хорошо, люби мамку, дороже ей никого свете нет, вы что из Мухинского дома, вроде фамиль вашу не помню... Набирайте водичку-то, она мытищинская водичка сладкая, пейте водичку на здоровье, пока можно, а то скоро ваша поганая кровушка вёдрами потечёт, захлебнётесь. Всё ваше жидовское семя на распыл пойдёт, никакой ваш Лазирь Мойсеич** не спасёт, самому хрен с яйцами отрежут на Красной площади!

Берта молчала, потрясенная переменой слов и интонации, Галка, не понявшая и половины, только обвилась вокруг её ноги, дед показал им кулак и исчез в темноте.

Были бы на её месте Лиза и даже Вольф, быть бы деду битую в кровь вёдрами, но с ней-то ребёнок, — чего в голове у него щёлкнет...

Только она вернулась в дом, как в окно постучалась соседка Вера Андреевна, Берта впустила её.

* Завод по производству водоизмерительных приборов

** Л.М. Каганович, член Политбюро ЦК ВКП (б)

Та без всякой подготовки начала:

— Бетя, хватай ребятню и езжай отсюда. Сейчас, говорят, в Татарию или Башкирию отправляют.

Финкели уже уехали, Донины собираются, Шпигельманы, вся Церковка пустая, Ростокино, Мазутка... Беть, прошу тебя, езжай!

— Веруш, куда я с тремя-то, проводить даже некому, от Самойлы ни слуху, ни духу.

— Не хотела тебя пугать, но придётся.

С утра ко мне Лика Пушкиова заходила, поддтая, где-то достала.

Говорит так тихо:

— Вера, ты грамотная, финаген*, помоги списки составить.

— Кого списки, спрашиваю?

— Ну кого, кого — этих рабиновичей, ты, говорит, их всех здесь и на Извилистой знаешь, вот хошь, покажу, что у меня есть. У Гознака подобрала. Достает из сисек две бумажки, на одной «Пейте девки молоко, я от вас недалеко», а на другой — «Пейте девки хлебный квас, недалёко я от вас».

И так серьёзно:

— Будет нам от немцев не сбавка, а премия. Я уж и муки отложила на хлеб-соль, а ты, Вер, вспомни, где твой Ефрем Николаич сейчас, не на Соловках ли?»

Я говорю:

— Ты сука позорная, тебе сколько раз Бетька и другие помогали, одалживали. Твоя Галка с ихней не разлей вода, я тебя, хабалку, сколько раз спасала с твоей швейной машинкой от налогов, а ты меня Ефремом попрекаешь? Его оклеветали плохие люди, такие как ты, он коммунист ленинского призыва, а по тебе, подлюга, НКВД плачет.

Отвечает интересантка:

— Иди, иди, Веруша, в энкаведе, только нынче оно где? Во-во тама, в трико, за волосами! А найдёшь, так сама к Ефрему под бочок лягишь, греть его на нарах.

* Финансовый агент, сборщик налогов

Расхохоталась сука в глаза, и частушку матерную спела, правда, смешную, прости меня Господи, грешницу. Ну, бесстыдница, как с ней Иван живёт?

Езжай, Беть!

И всё на другой день вдруг и устроилось.

Объявился Самойло, дали отпуск на три дня из лагерей под Дмитровом, оформились, он лошадь достал, и проводил их всех на Казанский — в Уфу.

Башкирия отняла у Берты и Лизы здоровье.

Поселили их в зиму в хлев, сколь Вольф не пытался утеплять, да не было чем, по правде. Заболела Лиза воспалением лёгких, Берта всё с себя распродала, спасая, и всех живых привезла в сорок третьем назад в Село.

Только вот зачем, спрашивается, уезжала из Москвы тогда в октябре под огромные волчьи глаза страха, всё ведь и так обошлось в конце концов...

Встретила их Лика Пушкиова, целовала, плакала, но, похоже, не от совести, а от... радости.

— Ой, Берта Ароновна, смотри всё у тебя на месте, ничего не пропало, вон пальто Самойлы Шимшоныча, шапка, постельное ваше, даже полбутылки постного не тронули.

Как ребята-то выросли, ты чего Лизк, кашляешь, не туберкулёз?

Вижу ох, не сладко вам там пришлось, понятно, татаре, башкиры.

У мене крёсна в Перловке* живёт, рассказывала про ихние манеры.

Ваньку-то моего загребли весной, при перекомиссовке грыжу чего-то не обнаружили, еле по-хорошему ушёл, сейчас, правда, в трофейных служит.

Вовк, а ты совсем, гляжу, мужик стал, небось, женилка-то в штанах уже не помещается. Приходи ко мне, я штаны-то расставляю... Ладно, ладно, ты чего, шуток не понимаешь, губастый?

* Посёлок под Москвой, в те годы место проживания татар

Уй ты, Галенька-то, какая большая стала, вылитая мамка-красавица, учишься уже небось. Моя прям пристала как банный лист к жопе: где Галька Гришко, где Галька Гришко, соскучилась по тёзке своей.

Вместе будут наши девочки в школу ходить, прям две подружки-попи...душки. Ой, прости Господи, опять я при ребёнке, чтоб язык отсох!

Глянь, чего под Сталинградом-то делается, но ничего, Сталин им людоедам задаст, правильно товариш Эренбург говорит: «Убей немца!».

Лиза поступила во Второй медицинский, решила стать детским врачом, Вольф в техникум, устроился на секретный завод на Берёзовой аллее, чего там делал — зубы выдирай, не визнаешь, Галка в школу пошла, учились все старательно, а Лиза — так отлично.

Самойло был живым, писал с Волховского фронта нечасто, всё больше о грязи в блиндажах. Один раз написал, что взрывом завалило его, еле откопали, потом с контузией лежал в госпитале. Домой его не отпускали.

И вот в майский день пришла телеграмма, встречайте на Рижском.

У Лизы зачёт, Галка заболела, да и чего ей на жаре делать, пошёл один Вольф, на заводе отпустили.

* * *

Утро было жарким, народу на перроне собралось немного, видать из эшелона москвичей было не густо; приуроченное к событию художественное оформление отсутствовало вообще, только на духовой оркестр расщедрилось московское военное начальство.

Музыканты начали выдувать *встречные* марши минут за десять до появления простоносого, без ёлочных веток и Сталина, паровоза.

Эшелон встал, сначала из вагонов вышли офицеры, быстро собрались единой кучкой, минутой посоветались, потом после отмашки седого грузного подполковника стали выходить и солдаты, неохотно, но привычно, строясь вдоль состава.

Вольф стоял в передней части встречающих, рядом с оркестром, отца он и не чаял вот так сразу увидеть.

Сзади и сбоку он слышал преимущественно женские возбуждённые разговоры, радостные вскрики узнавания, кто-то махал рукой.

Подполковник надсадно поздравил всех с прибытием, с победой, кратко и понятно объяснил порядок оформления транзита, дал команду «разойдись!», забыл попрощаться и вновь собрал офицеров.

Оркестр грянул марш и уже больше не прекращал музыку.

Люди бросились друг к другу, большинство солдат проходили толпу встречающих насквозь, радостно кивая поздравляющим их. Тут и там, мешая ходу, возникали группки нашедших друг друга родственников; отца не было.

Вольф, стоя у выхода с перрона на Трифоновку, — никак не мог его пропустить.

Толпа на перроне рассосалась быстро, оркестр стал собирать инструменты. Невысокий пожилой мужик с геликоном спросил его:

— Парень, не встретил что ль кого? Батьку?

Вольф молча кивнул, всё ещё рассеянно глядя вдоль перрона.

— Предупреждал батька-то?

— Телеграмма была, номер эшелона сообщил...

— Может, сняли с эшелона, загулял там, или дизентерия, — сейчас солдатик дорвался до свободы, батька-то нестарый?

— С девяносто восьмого.

— Ну тогда не шалавый, ты по виду, еврейчик, я прав?

Я сам-то с девятьсот первого, призван в сорок втором, всю войну в полковом оркестре служу, четыре раза под бомбёжку попадал, — эта вон вся лужена-перелужена. Тяжёлая сволочь, да ещё дуть в неё, а у меня грыжа, в сорок четвёртом под Гомелем машину из грязи вытягивали.

Ладно, парень, строят нас, найдётся батька твой, как зовут?

— Самойло Гришко, ефрейтор-связист. На Волховском воевал.

— Так он у тебя хохол? А я, в основном, на Втором Белорусском, ну давай.

С победой тебя!

Мужик вытер лоб пилоткой, взгромоздил на себя геликон и пошёл за двинувшимся уже оркестром.

Вольф заметил в углу палатку газировщицы, направился было к ней, но вдруг ощутил, что вода уже не поместится внизу его тела, и он побрёл вдоль по перрону подальше от людных мест.

В голове тёл неспешный ручеёк грустных мыслей.

— Не приехал, значит, что же стряслось...

Уже и дядя Зуня возвратился, ещё в марте, по ранению, в Селе многие... Сапожников, Дрюк без ноги, пьёт теперь. А вот дядя Муня Мовенкер погиб в сорок втором, сгорел в танке под Ржевом. Ихняя Кеня как-то Лизку в городе встретила, плакала. А Натан служит на Дальнем Востоке, рисует в клубе, правда, как узнал, что брат погиб, просился в действующую, но не пустили, сказали, что здесь некому маршалов рисовать.

Жалко дядю Муню, вспомнил, как на велосипеде по Томилино с ним катался, тот вообще спортивным был, в футбол играл за Метрострой, волейбол, хоть маленького роста, а Натан — тот всегда рисовал. «Девятьсот пятого года»* закончил незадолго до войны, — когда учился, иногда заезжал к ним со Сретенки.

Лизку, Галку, мать просил позировать, особенно мать; его, Вольфа, редко просил, а соседи смущались, чаще всего отказывались.

Выходило у Натана похоже, но Лизке-то больше Муня нравился, как и она ему...

Он машинально отметил взглядом помост, обшитый деревом, мельком огляделся. Мокрая парабола расплывалась на серой сухой поверхности, стекая вниз на пыльную траву жёлтыми каплями, мысли стали еще менее отчетливыми.

* Художественное училище «Памяти тысяча девятьсот пятого года»

Послезавтра зачёт по математике, Карл Меерович говорит: учишь Вовка, нашему брату лучше быть учёным начальником, — начальников над учёными и так больше, чем надо. Рассказать бы кому во дворе про нашу тематику, Митьке, например, поохали бы, да подписка — дело серьёзное, посадят как два пальца...

Как хорошо было, когда у них пару дней артиллеристы стояли, матери мяса дали, лапши на готовку, — первый раз, считай, за всю войну наелись, он, во всяком случае; ещё после них много осталось...

— Парынь, ты не знаешь...

Он поднял глаза и увидел солдата, стоявшего на помосте.

Был он невысок, плотен, пилотка на его голове сдвинулась почти поперёк потного лба, погоны с одной лычкой стояли горбом. Неширокие галифе впадали в сапоги с чёрными маслянистыми голенищами и запылённым по костяшку низом, гимнастёрка с единственной медалью «За боевые заслуги» между двух пятен пота под мышками спереди почти вылезла из-под ремня.

Короткопалая рука с гранёными ногтями держала ляжку не слишком набитого сидора, у ноги стоял перевязанный серой мохрящейся бечёвкой фибровый чемодан, тоже не Бог весть каких размеров...

— Пап..., — выдавил Вольф, сглотнув, — я тебя ждал у вокзала.

Самойло достал платок, вытер им лоб и совсем влажные щёки.

— В оцепление поставили, зачем-то комендант эшелона распорядился.

Только что отпустили, дай, я спрыгну, а ты ширинку застегнуть не забудь.

Он попытался спрыгнуть с помоста с сидором за плечами, но, помедлив, снял его и отдал Вольфу.

Вольф схватил сидор и чемодан, отец неловко соскочил с помоста, встал рядом с сыном, и на досках стала образовываться парабола с верхушкой пониже вольфовой.

— Как мама, девочки? Я что-то вам привёз, но это не Германия. Денег дали немного, а дорогой надо было есть...

— Пап, у нас всё есть, три карточки, у меня рабочая, получаю зарплату, Лизка санитаркой подрабатывает в Морозовской!

— Как Лизаня? Кашляет? Бедная девочка. Пошли что ли.

Тут Вольф вспомнил, что они даже не обнялись с отцом, потом он долго ещё корил себя за это свое упущение.

Отец оглянулся по сторонам, забирая взглядом горизонт, небо, и Вольф, повторив его движение, вдруг радостной волной ощутил пронзительное счастье отца, и свой кусочек этого счастья, зримым признаком которого могло быть лишь отсутствие дирижаблей на этом серо-голубом небе...

— Трамваи-то ходят до Села? Я уже забыл что сколько стоит... А что Юзик не заходил?

— Ходят, пап, и автобусы.

Отец вдохнул пахнувший мазутом и пылью воздух, и они пошли к вокзалу.

2014

ПЕРВАЯ РИФМА

О какой точке моей жизни я могу сказать твердо и недвусмысленно: «помню»?

То есть из месива, состоящего из солнечных пятен, беготни вниз под горку, ощущения холода воды, льющейся из умывальника на руки, тяжести тугого лифчика, поддерживавшего сморщенные чулки, вдруг графически осмысленным пятном возникает эпизод фильма без названия, титров, цепочки прямоугольных отверстий по краям в момент разрыва плёнки...

...Моё пятое лето, дача детского сада, август, скоро в Москву, две средние группы собраны вместе на музыкальные занятия, полукругом в два ряда расставленные стульчики.

Я, сын врача, второго человека в немудреной детсадовской иерархии, сижу во втором ряду, со мной рядом мальчик по фамилии Калинин. Как-то так получилось, что мы особняком от остальных.

Полная, улыбчивая, вся какая-то ладная Раиса Семёнова сидит за пианино, в гулком помещении финского домика особенно чувствуется дребезжащее струнно-молоточковое нутро инструмента.

— Ребятки, ребятки, давайте повнимательней, песня очень серьёзная.

Будете открывать родительский день, а он, между прочим, уже завтра. Так, собираемся... давайте с этого места (следует проигрыш):

Партия Ленина, сила могучая

Мудрая партия большевиков...

— Карабанова, Гуля, ну что же ты всё вертишься, как на сковородке; нет, я чувствую, что кому-то хочется опозориться!

Что-то вроде творческого озарения вспыхивает в моей голове, все многочисленные рифмованные звукосочета-

ния, так или иначе поместившиеся к этому времени в памяти — наша Таня громко плачет, потеряла в речке мячик; ни в склад, ни в лад, поцелуй корове зад; кто первый обзывается, так сам и называется — одному Богу понятным образом оформляется в мою *собственную* складность, жарким шёпотом вдунутую в оттопыренное ухо мальчика Калинина:

— Партия Ленина, сила могучая, партия Ленина, сила воющая...

Не буду хвастать своим врождённым диссидентством: ну, откуда бы ему появиться в нашей простой обывательской семье, которую власть, ища добычу, как-то не заметила среди мшистых кочек обманчивых российских трясин.

Давайте, просто перефразируем приписываемые Альфонсу Габриэлю Капоне ужасающе спокойные и весомые слова:

«Just rhyme, rhyme, once more rhyme. There are no emotions».

«Это только рифма, рифма и ещё раз рифма. Ничего личного».

...Ухающий грохот пианинного аккомпанемента заглушает хихиканье худенького русого и толстенького брюнетистого мальчиков; да и вскоре занятия кончаются, а нас отпускают на волю.

Проходит минут двадцать, я стою в очереди на качели, с удовольствием выковыривая из носа большие из-за недавно окончившегося насморка козявки.

Кто-то хватает меня за руку и тащит весьма увесистое мое тело на семенящих ногах в ветхих сандалиях по площадке к песочнице. Я смотрю вверх и вижу красное, с выпученными глазами лицо нашей воспитательницы Дарь Мокевны.

В песочнице среди других сидит мальчик Калинин, сосредоточенно обхлопывая двумя руками серо-жёлтый куполочек...

— Повтори, повтори, что этот сказал, — приказывает ему громким шёпотом Дарь Мокевна, — ну сейчас, на музыкальных!

— Он сказал, — по тону мальчика Калинина я чувствую, что в нём борются сладкое желание наябедничать и запоз-

далое сожаление о разгорающемся кавардаке, — «партия могучая, партия вонючая». Это не я, а он придумал, честное слово...

— Играйся, миленький, играйся, — хлопотливо говорит Дарь Мокевна, глядя мальчика Калинина по голове.

Меня оттаскивают от песочницы на порядочное расстояние, я не сопротивляюсь.

— Это правда? — ревет шёпотом Дарь Мокевна, — ах ты сволочь такая, а по губам, а по губам!

Жёсткая с широким серым кольцом на среднем пальце ладонь псковской крестьянки, сбежавшей от коллективизации в Москву, никогда не бывшей замужем, прошедшей одноступенчатый карьерный рост от нянечки до воспитательницы, да к тому же имевшей залеченный сифилис (всё это я узнал гораздо позже из подслушанных слов матери) пришлёпывает мои губы к зубам.

Во рту становится солоно; я с ужасом замечаю капельки крови, падающие на мой кругловатый с ямочкой живот, и начинаю реветь: кровь идет сильнее, нижняя губа болит еще больше.

— Ах ты, е...ит твою мать, несчастье ты моё. Губа-то как распухла!..

Ну, Жорик, Жорик, не плачь, сынок, сейчас мы водичкой холодненькой промоем.

Меня тащат к дому, где живут воспитатели.

Пока Дарь Мокевна наливает в таз холодной воды и устанавливает его на табурете, я, размазав кровь по лицу тыльной стороной руки, перестаю плакать, чувствую, как сквозь боль и обиду, раздвигая их холодными локтями, в меня втискивается Страх.

Это не обычный страх, навеянный ночной темнотой, когда Снежная королева в морозный вечер может запросто войти в наш деревянный домик-избу в Селе Алексеевском.

Вероятно, это была частица нашего общего Страх, ставшего частью воздуха этой шибутной страны вместе с кислородом, азотом, аргоном, углекислым газом; а что сумма этих процентов вместе со Страхом, была больше

ста, так это везде, а не в России только, что доказала теория времени и пространства хмурого Лобачевского. Ведь ни грек, ни англичанин, ни даже еврей, а он, русак, вопреки нормальному опыту нормальных людей, которые даже и подумать не могли, что две параллельные линии где-то там далеко за небесами, за звёздами могут пересечься, взял да и подумал...

Меня ставят перед тазом, Дарь Мокевна начинает *кунать* туда мою голову, одновременно обмывая рукой лицо.

Она бормочет:

— Вот сучонок, вот сучонок, ну что же ты, дуралей, болтаешь-то.

Полотенец-то куда я дела? Вон весь мокрый, в *сандали* на-текло, ну ничего, мы сейчас носочки выжмем, на босу ногу пока походишь. Ты, это... как ужинать будешь, потише жуй-то, а то губка *закровянит*, а к *завтрику* пройдёт, пройдёт.

Ой, дай-ка я зубы-то посмотрю, у тебе же, кажется, ещё молочные...

Два пальца Дарь Мокевны лезут мне в рот, смыкаются на передних зубах.

Я непроизвольно языком слизываю с них соль, она вздыхает и бормочет:

— Ну, слава Богу, не шатаются, кажется. Ох, е..ит твою мать, и зачем я в эти воспитательницы-то полезла, сейчас взяла бы две ставки, жила бы кум королю.

Она всплёскивает руками.

— Да что ж ты будешь делать, и Елизавета тут как тут, уже донесли хабалки.

Жорик, ты мамке-то, может, скажешь, что упал, я ж не со зла!

— Скау...

Какой тут «скажу»: на всякий случай, не поднимая голову от таза, я слышу разговор.

— Дарья Мокеевна, вы что с ума сошли, — задыхающимся голосом кричит-хрипит моя мама-астматичка, — как это вообще можно детей бить, да ещё по лицу.

Я не понимаю, что такое ребёнку надо для этого надевать? Вы, что не понимаете, что это статья!

— Да погоди же ты, Елизавета Самойловна, дай чего скажу. Дарь Мокевна, отводит мать чуть в сторону, я слышу их шёпот: с самого начала довольно правдивый пересказ истории появления запрещенного стиха, а потом...

— Представляешь, ко мне *этот* подбежал из ихней группы, я сперва и не поверила. Хорошо, что я одна пока слышала. Я *этому* строго-настрого запретила повторять, да боюсь теперь весь сад будет лялкать, они же, как мартышки все... Ну, Лиз, прости не сдержалась. У нас-то до войны в квартире в Коптельском одни такие Сокольских жили, он дамским портным был, так точно подобная же история. Девчонка ихняя во дворе частушку спела, так всех, буквально всех взяли. Не знаю, может, и расстреляли кого... Ну и чего, что и Берию самого расстреляли? Расстреляли, расстреляли... Там таких Бериев, как на жопе прыщей. Да тебе они чо хошь припишут, врачуху-вредительницу, к примеру. Сама знаешь, что такое детсад. Ледник маленький, холодильник — говно, а вот, не дай Бог, пропоносит кого! Да не мне тебе говорить... Делай, что хошь, я отвечу...

Скажу я вам, что по губам побольнее будет, чем по голой заднице маминой рукой, тем более что стоял я, склонившись на тазом, в очень удобной позе для, как говорится в милицейской отчётности, «нанесения побоев».

Скованный этим неизведанным Страхом не плакал я, а только сотрясался, терпеливо дождавшись момента, когда мама моя, женщина по природе эмоциональная, отошла и отправила меня в группу, строго-настрого запретив даже заикаться о произошедшем.

Да и рассосалось всё: Калинин то ли по глупости, то ли так же вдохнув свой выхлоп Страх, далее молчал, но это уж в дальнейшем.

Но чёрт подзудил мою маму рассказать о моих поэтических опытах приехавшему вечером того же дня навестить нас отцу.

Я, увлечённо разбираясь с привезённой им воблой, не обратил внимания на жаркий шёпот родителей, тем более что они, как всегда, когда не хотели, чтобы я понимал их разгово-

ры, перемежали русские слова с еврейскими, до тех пор, пока не услышал тихое отцовское «что-о-о-о».

И вновь Страх от ощущения его Страх пронизал меня, я запомнил только крики мамы: «Ой, только не рукой, только не рукой, ты ему позвонки можешь сместить!» Лупил он меня по заднице, кажется галошей, что даже при наличии сатиновых шаровар, было не менее чувствительно, чем дарьмокевнина рука.

Но отец был отходчив, даже поболе матери; и опять последовало заклинанье «никому и никогда», угодливые кивки моей круглой по-летнему остриженной головы, шмыганье носом и боль в горле после рыдания и всхлипов.

Ночью я проснулся по причине... по причине... ну, в общем, отец, кроме воблы, привёз первый арбуз, который ему подарил приятель, вернувшийся из волжского Камышина, куда тот был послан для художественного оформления городского клуба.

Арбуз был не полосатый, а тёмно-зелёный, мякоть красной и не очень-то и сладкой, но почему-то съесть его хотелось сразу и весь. По случаю, быть может, угрызений совести из-за моего наказания родители дали мне съесть этого арбуза больше положенного. На замечание отца: «А он не лопнет, Лиза? Или будет всю ночь горшок задницей обминать», мама ответила:

— Так он три воблины умял и два солёных огурца, — сколько я просила тебя не давать ему ничего, он же только что после ужина в группе. Да и не надо было здесь его оставлять на ночь; да ладно... ребёнок уж столько сегодня напереживался! Завтра в группу отведу, там, надеюсь, всё поутихнет...

В комнатке финского домика было светло от полотна лунного света, исходившего из окон.

— Прямо как днём... Вставать в шесть, а спать почему-то не хочется, какая ночь хорошая! Ну подожди ты, отстань, сейчас посмотрю...

— Да спит он, спит!..

— Ой, Мунь, как я напугалась, если бы ты знал! Какой дурак, *вэйз мир**, какой дурак у нас растёт. Это надо же так сказать!

* Боже мой! (идиш)

Вот ты смеёшься, а в прошлом году, между прочим, Свердлову Настасью Давыдовну, заведующую райздравом, сняли как миленькую, вот просто так, ни за что. А Настасья, чтоб ты знал, то ли племянница, то ли еще какая-то родственница самому Якову Свердлову! Правда, я её тут недавно видала, уже восстановили, но простой врачихой в туберкулёзном.

Ой, Мунь, слушай, его с осени уже надо в мужскую баню водить, я тебе не рассказывала разве?

Мы перед отъездом на дачу ходили с матерью и Галкой в Зубаревские, так этот *швонц* там тихо сидел, пока я его мыла, а когда вечером отец с работы пришёл, он как всегда к нему подсел, что-нибудь с тарелки стянуть.

Дед его спрашивает: «Ну, что ты сегодня делал, молодой человек?»

Этот начал рассказывать, что ходил с нами в баню, дед — тоже очень умный — спрашивает его: «И что же ты там видел?».

Этот так спокойно: «Ой, деда, столько сисек видал...»

Я усмехаюсь, вспомнив об этом разговоре, смотрю на кровать родителей и вижу маму, привставшую на локте, с одеялом под мышками, но почему-то с голыми плечами.

— Ты чего не спал? Давно?

— Только что, мне что-то смешное снилось, — вру я, — а можно мне пописать?

— А чего ты спрашиваешь, вставай и писай, — слышу я голос отца, — в горшок-то попадётся?

— Он сидя, Мунь. Давай уже, *бикицер**. Нет, надо было его всё-таки сегодня в группу отвести.

Всё, надо спать, родительский день завтра, сумасшедший дом!

2014

* Быстрее (идиш)

ПРОЗВИЩЕ

Первое свое прозвище он получил ещё в младенческом возрасте: «Жоркиз».

«Жоркизом» его прозвали во дворе по аналогии с Мариком Финкелем, у которого, как можно догадаться, была кличка «Маркиз».

Жоркиз и Маркиз с разницей в возрасте в два года (первый был старше) пребывали среди дворового коллектива в уважительно-презираемом статусе «жиртрест–промсарделька». Причём, подлинное имя Жоркиза ещё и великолепно рифмовалось со словом «обжора».

А вот и фотография Жоркиза тех времён, где он посередине весны стоит у своей *избы* (с ударением на «и»), — так это деревянное сооружение называли Арина Сорокина, Фрузка Хухрикова и другие наши соседи, так и не вросшие в московскую городскую среду. Одет он в прыщавое пальтецо «букле» нараспашку, без шарфа, почему-то в коротких штанах и сморщенных чулках, чуть наклонив улыбающуюся голову с чубчиком анфас. Рядом протекает бойкий ручей, в котором стоит одна его нога в расшнурованном ботинке. Снимок сделан, скорее всего, его дядькой Вольфом, который не пропускал ни одного простодушного увлечения молодёжи той поры, как то фотография, велосипед, радиодело, походы и всё остальное, кроме музыки в смысле игры на музыкальных инструментах.

Позже, когда дядька Вольф переехал к жене на Вторую Тверскую-Ямскую, Жоркизу достались остатки его вещей, хранившиеся в выдвижном ящике письменного стола. Роясь, Жоркиз нашёл и бачки для проявки, и трофейные пачки заsvеченной фотобумаги и — ещё, наверное, довоенные — воюющие проявитель и фиксаж, сломанные перочинные ножи, редкозубые расчёски и, в том числе, общую тетрадку с аккурратно переписанными песнями про походы, любовь, Роди-

ну. Там же лежали групповые фотографии незнакомых ему людей, сошедшихся на курортах и лыжных вылазках. Дядька почему-то всегда оказывался в каких-то плохо сфокусированных углах этих снимков: в войлочной шляпе и лыжных штанах — в Цхалтубо, опирающийся на палки в вязаной шапочке и тех же лыжных штанах — незнамо где, наверное, в зимних Сокольниках, коренастый, почти всегда без улыбки на толстых губах.

За день до дядькиной смерти Жоркиз заехал навестить его. Дядька уже никого не узнавал, но много и вежливо улыбался...

— Дядь Вов, здравствуй, это я, Жора.

— Здравствуйте, очень приятно, что-то я не припомню, где мы с вами встречались.

Кажется, вы работали во ВНИИМАШе, — точно, точно, мы ещё с вами вели разработку изделия «эр двенадцать ка шесть»; ой, как жалко, что этот проект закрыли, ой, как жалко... Вы сейчас тоже, наверное, на пенсии, а я вот приболел, но, думаю, на той недельке уже выберусь на дачу.

— Дядь Вов, это я, Жора, племянник твой, Лизин сын. У меня ещё сестра есть. Лариса...

— Вот и я вам сказать хотел, что у меня ведь есть племянница, очень хорошая девочка, живёт, между прочим, в Америке. Пишет, что там сейчас страшная жара, а когда я гостил там, немного холодновато было, в Чикаго побывал... ещё где-то...

Он лежал, одеяло было натянуто до подбородка, снизу высовывались ноги в сморщенных носках; казалось, под одеялом скрывается бесформенная пустота.

Его жена, всегда спокойная и рассудительная тётя Фира, покачала головой.

— Ну, вот видишь, вчера и внуков не узнал. Боли-то, похоже, уже кончились, а я не пойму: то ли лекарства так действуют, то ли, на самом деле, он уже *там*.

Она не плакала. Она в этой жизни потеряла так много близких, что, казалось, мой дядька сейчас был для неё лишь ещё одним поездом, уходящим по расписанию на неведомые разъезды и полустанки.

В разные годы от неё ушли: в начале шестидесятых — двадцатилетняя сестра, сгоревшая за месяц от отравления, потом младший брат, погибший в автокатастрофе, а два года назад — единственная дочь, скончавшаяся от рака.

...Младшая сестра матери Жоркиза Галка, любящая до иступления племянника, глядя на фотографию у избы, обычно говорила:

— Берёшь циркуль, вставляешь в нос, обводишь, начиная с макушки, и вся эта любимая морда точно вписывается в круг! Как говорят на Украине: «Мы любимо опоисты». Но, всё равно, до Марика Финкеля тебе ещё какать и какать, у него-таки щеки из-за спины видать.

У жены Жоркиза Людмилы та фотография вызывала обычно другую реакцию:

— Вот точно: каким ты был на этой фотке, таким и остался, такой же аккуратненький, такой же опрятненький, и улыбочка всё та же. Правильно мать твоя покойница говорила: «Ой, Люся, он такой му...ло, слава Богу, что хотя бы добрый дурак!»

По части округлости лица и упитанности тела — что было, то было, но, ох, далеко Жоркизу было до Маркиза!

Марик был младшим в семействе Финкелей, состоящем из отца — дяди Бори, держащего магазинчик на Преображенском рынке, тётки Рахили (по-дворовому «Рухцы») и дочерей Розки и Муськи.

Кроме старшей вполне средних габаритов Розки, всё семейство Финкелей отличалось могучей еврейской добротой фигуры.

Тётя Рухца рассказывала бабушке Жоркиза Берте, с которой дружила:

— Мы пошли все вместе в воскресенье на ВСХВ, идём по тротуару, так все уже смотрят не на коров и фонтаны, а таки на нас. Хотя там и было широко, но пройти уже во всяком случае по нашей дорожке кому-нибудь еще было невозможно.

А Марочка с Мусенькой как стали кушать сосисочки с французской*, так продавщица, я думаю, план уже сразу сделала.

* Французская булочка размером в полбатона

И что бы вы хотели? Эти паршивцы, как пришли домой, сразу же попросили жрать, вэйз мир!

Готовила тётя Рухца в кастрюлях детсадовского габарита, в помойку не выбрасывалось ничего, а Маркиз после еды выходил во двор ещё и с куском хлеба, пропитанным постным маслом и посыпанным сахарным песочком.

Когда же «школьности заботной» пришла для Марика пора, у тёти Рухцы появилась-таки серьёзная проблема!

Ведь что придумали, *аз ох унд вэй**?

Сперва строгий регламент допускал ношение гимнастёрки, и всё было бы вроде ничего, но потом в какую-то *минпросветовскую* — скорее всего, принадлежавшую отставнику — голову пришла мысль о кителях...

После примерки кителя третьеклассника Жоркиза, тётя Рухца вздохнула, и задала Ему (не кителю, а тому, чьё Имя не следует произносить вслух) вопрос: «*Вус тицте?*»**

Была призвана дворовая портниха Лика Пушкина, которая эту проблему оценила просто, сказав «Х...я, Рухса, не ссы. Покупай, сделаем».

Лика произвела необходимые обмеры, и на другой день Маркиз уже щеголял в кителе с отложным воротничком, одновременно похожий на Жданова без усов и Иди Амина без орденов.

Когда Маркиз возвращался из школы, тётя Рухца обычно встречала его уже на подходе к дому, держа в руках две половинки «франзольки» с разрезанными вдоль котлетками, чтобы голодный ребёнок хотя бы смог дотянуть до обеденного стола.

Если не было дождя, вся компания высыпала на двор гулять, одной из их любимых игр были «дочки-матери». Весь смысл игры был в подготовке к ней: распределение ролей, готовке еды, раскладывании её по тарелкам, обустройстве комнат.

На самую драматургию семейной жизни обычно уже не хватало пороха, разве что, на телесные наказания кукол или тех, кому выпадала роль отпрысков.

* Примерный перевод: «хочется сказать “ох!” и “вей!”» (идиш), то есть выразить сожаление.

** Ну и что делать? (искаженный идиш)

Едой были листочки да камешки, травка да стёклышки, играли по очереди у разных изб.

Однажды, когда очередь дошла до финкелевского двора, Муська, оглядев вечно, даже с виду, голодных Надьку Панфёрову и Генку Тененбаума по кличке «Косой», вдруг заявила:

— Я щас к мамке схожу, подождите камни собирать.

Через пару минут она вышла на крыльцо и объявила:

— Пошли по-настоящему лопать, только чтоб руки помыли!

В «зале» был накрыт стол, стояли полные тарелки с блистающим подсолнечным маслом винегретом, кружки с компотом из сухофруктов, лежали крупно нарезанные куски чёрного хлеба.

Тётя Рухца объявила:

— Так, сколько тут вас, штынкеров? Ладно, кому не хватит, дам добавку, кушайте, только не спешите. Жорик, твоя бабушка ругать тебя не будет? О, я-таки знаю, что ты сейчас тут покушаешь, и ещё дома покушаешь, и была бы возможность — и на заводе «Калибр» в столовой ещё бы покушал.

Что, *какер*, мы *любимо поисты*? А всё равно до Маркиного твой *тухэс* не дорастёт!

Если Маркиз брал верх выдающимся весом, то Жоркиз занимал среди дворовой общности заметное место благодаря высокоценному таланту пересказывать содержание книг и фильмов. И к тому же у них дома был первый во дворе телевизор КВН.

Ох, как сладко было Жоркизу, стоя посреди ребячьего кольца или сидя в центре на скамейке, отвечать на вопросы и ставить на место вечно сомневающимся «фом неверующих» и в пятый раз пересказывать книжные приключения *ширлохомса* или *дертатьяна*, и еще киношных героев «Заставы в горах», «Смелых людей», «Тайны двух океанов», «Платы за страх», «Фанфана-тюльпана»!

Может, чего и *прифантазируешь* иной раз, но так ведь без «прилгнуть» ни одна история не говорится. Ох, какие верные слова вложил божественный Николай Васильевич Гоголь в уста городничего Антон Антоныча Сквозник-Дмухановского!

Не с того ли времени у Жоркиза и возникла эта, в сущности невинная манера — нет, не соврать, а вот именно «прифантазировать», *обеллетризовать* скучную фабулу действительности?

Вот, скажем, часы...

Прошлым летом дочь Маша позвонила ему и объявила:

— Папуль, а можно мы с Пашкой тебе на день рождения часы подарим?

— У тебя что, склероз начался, — что-то рановато. Что я тебе ещё зимой говорил? *Парфюмчик* недорогой, надо — я денежек добавлю.

Правда, я вообще-то рассчитывал на Бугатти-вейерон, но если ждать нужной комплектации долго, то давай Бентли с витрины.

— Па, ты не понял. Я вчера около «Пятёрочки» часы мужские нашла, кто-то потерял, ремешок что ли сгнил, а может и по пьяни. Пашке не надо, а они хорошие: механика, колёсики видно как ходят, а у нас сейчас, ты знаешь ведь какая напрядёнка с деньгами, для Зойки всё время надо то то, то это.

— Я понял, дочуль, конечно давай, спасибо. Ты говори, чего ребёнку надо-то, я тут же дам, только маме не обязательно знать.

Машка торжественно вручила ему часы, правда, ремешок Жоркизу пришлось приобретать самостоятельно.

Когда он отнёс подарок мастеру почистить да заодно оценить, тот сказал:

— Хороший агрегат, английский, не китайское барахло, такие тысяч двадцать-тридцать новые стоят, не меньше. За границей покупали?

— Да нет, зятьёк мой с барского плеча отвалил, себе Омегу купил, хочет на Джеймса Бонда походить.

— Да... молодёжь сейчас... Кто зять-то?

— Бизнес у него, обувкой торгует, а я за ним всё донашиваю.

Но если по-честному, Жоркизов двухметровый зять Пашка занимал хорошую хозяйственную должность в крупной рекламной компании, выпивал, зная край, вырос по служ-

бе из водителя-персональщика, был очень уважительный по отношению к тестю и теще, никогда не отказывался помочь по даче, и, самое главное, до обожания любил внучку Жоркиза Зоеньку.

Хорошо зная свою «дщерь», Жоркиз декламировал:
— Хоть наш Павел из водил, но дуру нашу победил!

Второе прозвище прилепилось к нему ненадолго, да и была ли она настоящей кличкой...

В классе, куда его зачислили, прежних дворовых друзей не было, и поэтому прежнее прозвище «Жоркиз» не была вброшено в обиход: какое-то время его называли просто по фамилии «Мовенкер».

Но однажды в третьем классе мальчик Аникеев, внимательно посмотрев на него, вдруг заорал, предварительно высунув длинный белёсый язык: «Маверкин — жирная книга, Маверкин — жирная книга»!

Недолго его так дразнили. Вскоре верное морфологически, но вербально трудно вписываемое в речь прозвище было постепенно забыто, также точно как забываются полные имена породистых собак и кошек.

Вот, скажем, купили вы ротвейлера, а в паспорте у него записано:

«Гельмут Коль фон Дуйсбург цу Менхенгладбах, старший», — ну и что?

Так и будете величать, гуляя с ним во дворах и постоянно опасаясь течных сучек!?

Фигушки! И вот потомок победителя какого-нибудь нью-йоркского Dog Show, купленный по цене автомобиля, в тот же вечер превращается в «Гелика» или «Колика», и орёте вы, поминутно опасаясь вляпаться в темноте в экскременты его собачьих сородичей:

— Колька, сколько раз я тебя просила, паршивца, не подбирать с земли всякую гадость?! Сейчас отхлестаю поводком сволочь такую!... Ух, ты мой красавец сладенький, ну иди, иди к мамочке!

...А тут как раз пришлось классное собрание на тему: «Советский школьник всегда должен говорить правду».

Прикреплённая к их классу десятиклассница Ленка Стриганова — рыжая и, к слову сказать, дочь рэсэфэсэровского замминистра культуры — поведала третьеклассникам о трагически-возвышенной судьбе Павлика Морозова, особенно напирая на правдивость его показаний насчёт папаши-подкулачника, привела также примеры из книг Асеевой и Носова, и потом, оглядев всех и почесав нос, произнесла:

— Все поняли, что вы как будущие пионеры всегда должны говорить правду невзирая на лица, — самим же будет лучше. Вот, давайте прямо сейчас друг другу в лицо и скажем, кто хулиганничает на перемене, списывает, девочек обижает.

Вот, давайте прямо с Яши Тихвинского и начнём.

Сначала робко, а потом с разгорающимся энтузиазмом ребята наперебой начали высказывать претензии друг к другу:

— А Ковальчук в раздевалке глупости показывал!

— А Даидбеков мою тетрадку отнял и не отдавал!

— А Левин на доске «жопа» написал!

— А мой папка вчера мамку побил...

Ленка, прервав поток «правды в глаза», резюмировала:

— Про это самое на доске не надо, хотя тебе, Левин, должно быть стыдно, и про маму тоже лишнее.

— Ну, у кого ещё что есть? — сказала она устало.

Жоркиз во время высказываний одноклассников долго копался в памяти, ища в ней тех, кто его обидел, но таких почему-то не находилось...

Вдруг он вспомнил:

— А Аникеев меня «жирной книгой» обзывал! Ещё и другие.

Ленка внимательно, как в своё время Аникеев, осмотрела его, потом покачала головой, неожиданно широко улыбнулась и сказала:

— Тебя правильно обзывали, Мовенкер!

С тех пор героическая привычка Павлика Морозова говорить правду в глаза навсегда потеряла свой ореол в глазах

Жоркиза, — как и пионерская, а потом комсомольская, партийная и просто людская необходимость говорить только правду, правду и ничего, кроме правды.

Прошло много лет, и однажды во время ужина на кухне он со смешком пересказал эту историю жене Людмиле. И вспомнил он её как раз в тот момент, когда вынимал из морозилки ровный прямоугольный шмат сала с двухмиллиметровой коричневой кожей.

Людмила вдруг внимательно, как когда-то Ленка Стриганова, посмотрела на шмат, потом перевела взгляд на Жоркизу и заметила:

— Единственный кто, кроме покойной Елизаветы Самойловны, дал тебе когда-либо точную характеристику, был этот, как ты его назвал — Аникин?

Очень наблюдательный был ребёнок! Если что и изменилось с тех времён, так это то, что тебя теперь надо называть не «жирная книга», а «толстая и седая книга». Мог, хотя бы и физкультурой заняться, вон тренажёр стоит, пылится, зачем только деньги такие платили, взял бы и минут двадцать покрутил педали, телевизор напротив, крути и смотри своих Сахаровых и Собчаков!

Я всё одна, семью тяну, готовлю, убираю, стираю, по магазинам мотаюсь, всё достаю, с ребёнком вожусь, а ты, как фон барон, в сортир, и с книжечкой засел на полчаса! Я, кстати, читала — от этого геморрой развивается.

Жоркиз, стоя с губкой у раковины с грязной посудой, привычно молчал, памятуя, что пожары на газопроводе тушат, закрыв с двух сторон краны и дав полностью выгореть оставшемуся в трубе газу.

А что! Он ведь по службе был одним из лучших в отрасли специалистов по ремонту импортных газовых турбин, которые крутят газовые же компрессоры, в компетентных кругах имеющие кличку «нагнетатели», а вот нагнетатели-то и доставляют по трубам русский газ в европы назло супостатам, которых народ наш кличет «пиндосами»...

Фрагменты

В ПОДЪЕЗДЕ

Яша лежал на оттоманке, подложив под голову смятую подушку. Он внимательно рассматривал свою левую ногу, пристроенную пяткой на торчащих пальцах вытянутой правой ноги. Обе ступни являли собой ненадёжную конструкцию, увенчанную блеклым отблеском ногтя большого пальца, выглядывавшего через дырку на сморщенном, когда-то чёрном шерстяном носке.

Этот довольно поздний вечер середины ноября шестьдесят седьмого года был для Яши особенным: только что вошел в его душу и понимание новый пласт мыслей, так отличавшийся от того, что переваривалось в нём, когда он ещё недавно был школьником.

Вот уже более двух месяцев был он, Яша, студентом очного отделения машиностроительного факультета московского вуза, вуза не малого, но и не большого, находящегося от дома не далеко, но и не близко, учиться в котором было не тяжело, но не так уж и просто. Вуз нескромно и во всеулышание гордился тем, что как высшее учебное заведение подобного профиля, был он единственным в мире, а кроме того — студенческий коллектив не то, чтобы особенно похвалялся, но как бы интересничал тем, что аббревиатура его расшифровывалась как «московский институт хороших мальчиков», неофициально, конечно. Правда, поговаривали, что на будущий год намечено преобразование его тамбовского филиала в самостоятельный вуз такого же профиля, и тогда в мире появился бы еще один подобный институт, что несколько подрывало почву для гордости. Кроме того, было непонятно смогут ли тамбовчане обеспечить достаточное количество красавцев для подтверждения прежнего

неофициального толкования замечательной аббревиатуры. Яша не то, чтобы считал себя аргументом для оправдания этого лестного названия, но, тем не менее...

Ну, во-первых, голубые глаза в сочетании со статью брюнета. Честно говоря, глаза его, скорее всего, были просто светло-серыми, но голубизна взора в сочетании с чёрными волосами были у высоко почитаемых Яшей персон: книжного Жюльена Сореля и живого Алена Делона, — вот он и решил считать свои глаза именно голубыми. А во-вторых, очень красивой формы и гармоничного размера, хотя чуть желтоватые, зубы без единой пломбы.

Мать Яши называла это «природный санус», а она, детский врач-терапевт, уж точно разбиралась в этих вещах. Ну и в-третьих...

Вот, правда, в-третьих, подобрать у себя иные мужские стати Яша затруднялся. Рост? Нет, во времена Д'Артаньяна он, может, и считался бы человеком среднего роста, как, скажем, Атос или Арамис. А может быть, даже он был бы одного роста с Андреем Болконским, но это по роману.

Однако если судить по двум первым сериям вышедшего в прошлом году фильма, то там определенно была допущена явная несурязица: Тихонов почему-то оказался почти одного роста с Бондарчуком! А ещё американцев ругают, что у них Пьер Безухов тощий...

Ну и вес. Так... К росту, откинув метр прибавляем пять килограмм, получается, получается... Хреново получается! Да и на вид не особенно... Плечи, правда, пошире задницы, это точно, но животик, грудные мышцы напряжешь, ткнёшь и вроде как...

Нет! Напрягай, не напрягай, а сантиметра-то три плотненькой массы под гладенькой кожей никуда не денешь. Оттягиваешь пальцами и грустишь. Не больно-то лакомый кусок для второй половины многомиллионного отряда гуманоидов, отличающихся от прочих приматов умением ругаться матом. Хотя... даже попугая этому научить можно!

Но, что там ни говори, не было у Яши до сего времени предмета, которого в те времена называли просто и складно

«кадром». В школе никто так и не зацепил, хотя со многими играл он в «переглядки»...

А один вечер провёл на подоконнике в подъезде со знакомой, весёлой девчонкой, которую мальчишки считали «проституткой», потому что гуляла она со старшеклассниками и студентами, курила с ребятами, *подъелдыкивала* их, смеялась, как бешеная, грудь имела торчащую, красила после школы глаза, и вообще... Ну, в общем, проститутка — она проститутка и есть!

Просто так случилось, что шли все вместе со школьного вечера — жили в соседних домах, потом как-то оказалось, что все остальные отвалили, и они заняли лестничный пролёт между третьим и четвёртым этажами её дома. Она уселась на широкий подоконник, расстегнув синее пальто букле, как Яша успел заметить, с посеченной внизу шёлковой подкладкой. Закуривала каждые двадцать минут — некурящему Яше не предлагалось — и посматривала время от времени на него своими подведёнными глазами с неожиданным интересом.

Яша, стоя рядом, много острил, что он, по правде говоря, умел делать неплохо. Они много говорили о книгах, и он с удивлением обнаружил, что Аня много всего прочитала и имела на этот счёт довольно интересные суждения, что, согласитесь, неожиданно для «проститутки».

За весь вечер мимо них прошёл только раз здоровенный мужик с маленькой болонкой на руках.

Он остановился рядом с ними, внимательно посмотрел на Яшу — Аня потупилась и, закрыв ладонью рот, сделала вид, что чешет щёку — усмехнулся и сказал:

— Аньк, сколько раз просил тебя не курить в подъезде, ну, прямо как маленькая, несёт же в квартиры. На улицу трудно выйти?

Ты ж вроде бросила? Этот что ль курит? Тебя как? Яша? Смотри, Янкель-поц, Аньку нашу не обижай, она девка правильная, а то будешь дело иметь со мной и, вон, с моей Беляночкой. Она собачка злая, в случае чего мигом отгрызёт. Ладно, ладно, чего вскипешилась, папке привет передавай, когда встретитесь, скажи пусть заходит, дело одно есть.

Ну, Яшка, давай краба!

... Время шло к одиннадцати, остроты иссякли, Аня стала всё чаще посматривать в тёмную заводь окна, и Яша решился...

Даже не приобняв Аню, он ткнулся губами в пахнущие дымом приоткрытые губы, поелозил, стукнувшись зубами об зубы, потом вспомнил, что надо бы действовать и руками, ухватил правой ладонью жёсткий бок, а левой потянулся... Но был остановлен влажной и холодной Аниной ладонью, которая передвинула его руку почему-то за спину. Он ещё пару раз прижался губами к пахнущей пудрой и одеколоном шее, руки Ани надавили, отстраняя его, глаза оказались напротив, и он увидел в них взрослую беспокойную грусть.

И ему неожиданно стало пусто и весело.

— Аньк, — произнёс он, — а ведь я тебя совсем не люблю.

— Дурак ты, Яшка, телок. Да ты не бойся, я никому из девочек не скажу, что ж я не понимаю... На других научись, да я и сама не очень.

Домой надо, мать снова орать начнёт, твои-то тоже небось там как на иголках. Ох, как же предки надоели, побыстрей бы в институт!

Яша особенно и не жалел, что так всё быстро кончилось, не начавшись, да и писать он сильно хотел, как, похоже — и Аня...

ДЕЛА-ДЕЛИШКИ

Фрагмент неоконченной повести «Ирадион»

...Доставая из сети краснопёрого языка, Иродион с улыбкой вдруг вспомнил рассуждения своего школьного друга Луки насчёт песен Высоцкого.

— ...И с чего бы Семёныч взял да сочинил: «Смену сдал, помылся в душе, съел холодного язя и инструктора послушал, что там можно, что нельзя»! Чего здесь такого, особенного? — спросил он тогда Луку.

— Как чего? Он же ел в столовой, а язь... ведь он не промысловый.

Язей в столовках не подавали. Надо было бы ему написать:

*Смену сдал, помылся в душе,
Съел котлеты из трески
И инструктора послушал, —
Как тот напускал тоски.*

Нет, опять не в кассу: напускают «тоску», а не «тоски»... Тогда так:

*Смену сдал, помылся в душе,
Съел яйцо я, холодец.
И инструктора послушав,
Понял: «Коль, тебе писец»!*

Само собой понятно, что Семёныч «язя» запустил лишь в качестве великолепной рифмы с «нельзя». У него и в другом месте есть несурaziца: «А тот похож — нет, правда, Вань — на шурина — такая ж пьянь».

— А здесь-то чего?

— Ну, ты и пентюх! Шурин же — он кто? Он же Зинин брат, так отчего же она родного человека так опускает, а? Во-первых, для рифмы: «Ты, знаешь, Зин, не трогай **шурина**, каков ни есть, а всё родня, сама намазана, **прокурена**...» А во-вторых, я так понимаю, само слово «шурин» ему очень уж понра-

вилось. Действительно, вкуснейшее словечко! Может, лучше использовать «деверя», тогда вот так могло получиться:

*Ты знаешь, Зин, не трогай деверя,
Каков ни есть, а мой братан.
Сама тупая словно дерево,
Гляди дождешься по мордам!*

Или там же: «Мои друзья хоть не в болонии...» Почему «болонья», зачем «болонья», что за редкость такая в семьдесят третьем-то году?

*Надо было может так... Та-ак...
Мои друзья хоть не с дипломами,
Зато не тащат из семьи.
А вермут пьют из экономии...*

Ну, там дальше по тексту... А рифма «дипломами — экономии» достаточно корректная, во всяком случае не хуже, чем у Вознесенского!

Вот и у Рубцова тоже...

— А у него-то что не на месте?

— Ну посмотри:

*«Я буду долго гнать велосипед,
В глухих лугах его остановлю...»*

Что это за такие — «глухие луга», надо было:

*«Я буду долго гнать велосипед,
В **сырых** лугах его остановлю...»*

И сразу образ деревенского пацана: майка синяя выцветшая, бретелька с плеча, штаны дядькины из «жатки» донашивает, правая холодная, промокшая штанина прищепкой вокруг икры обтянута, чтобы в цепь ненароком не попала, уши оттопырены, в армию скоро, велик с маленькой «восьмёркой» — вот так. Все как-то «вкуснее» становится...

2014

ПУСТОЙ ПАРЕНЬ

Фрагмент неоконченной повести «Иродион»

Однажды был я на юбилее моего дядьки Вольфа, где собрались его институтские друзья, сотрудники, все искренние рядовые технического фронта «шестидесятники».

Стали петь песни Окуджавы, для всех самые любимые, других и не пели.

Я слушал, слушал их незамысловатый репертуар: «Лёнку Королёва», «Синий троллейбус», «Автобус новенький, спеши, спеши», сам чуток подпевал, потом то ли с лёгкого подпития, то ли от неосознанного снобизма, то ли из подспудного неприятия расхожего слова начал я петь одну за другой НАШИ песни.

Представляю, как из угла расставленного обеденного стола с приставленным к нему кухонным, занимавшими всё свободное пространство большой комнаты, вдруг неожиданно донеслось:

*Земля гудит под соловьями
Под тёплым нежится дождём.
И лишь солдатик оловянный
На вечный подвиг осуждён...*

Потом были «Молитва», «А что я сказал медсестре Марии», «На фоне Пушкина снимается семейство», «Там за седьмой горою, там за недоброй тучей»... Наградой мне были удивлённые взгляды и дядьки, и его друзей: «Что, есть у Булата и такие песни?».

— Смотри, Вовка, какое поколение растёт, — одобрительно улыбаясь, сказал дядьке Вольфу его старинный приятель и сослуживец дядя Карл, а ты говорил, что Жорка ваш пустой парень.

Услышав про «пустой», я сразу скукожился, не от обиды даже, а, вспомнив, как когда-то заработал это дядькину характеристику.

Было это лет пять назад, а может, и чуть поболее...

Я тогда учился в седьмом классе, и не был Лукой, а был просто Жоркой, — клички ни я себе, ни другие мне ещё не придумали.

А класс наш «А» был привилегированным, училось в нём много ребят из «Серого дома». Точнее, из восьмизэтажного флигеля, примыкавшего к ближнему от центра крылу, построенного ЦК комсомола для неприязнительного тогда начальства, включая и тогдашнего первого секретаря того самого Декадина, сын которого Сашка учился со мной в одном классе.

Сашка парень был живой, весёлый, светский и дозволенно вольнодумный.

Развлекал он нас, одноклассников, пением частушек:

Москва–Калуга, Лос Анжелос

Объединились в один колхоз!

Поплавский буги, Федотов рок,

Зиганшин слопал сырой сапог!

Это про четверых солдатиков, догагаринских героев шестидесятого года, сорок дней блуждавших на самоходной барже по Тихому океану. Как удачно-то их подобрал американский авианосец, — всё получилось тогда «в струю» недолгой советско-американской дружбы. Да что говорить, солдатики были молодцом.

Ну и только для мальчишек, пел он на мотив «Ландышей»:

Ты сегодня мне принёс гидравлический насос,

Вставил в жопу и накачивать... тай, дай...

Стала быстро я летать, третий спутник догонять —

Не умею поворачивать!

Тот шестьдесят первый год был вообще лакомым для словопрений и мечтаний.

Полёт Гагарина, двадцать второй съезд, «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» — ну, что ещё нужно для начитанных подростков.

Все сходились во мнении, что материально-техническую базу-то мы построим, это как два пальца, а вот сознание переделать, чтобы, например, не нахватать в магазине сто бесplatных «техасов» или чего другого дефицитного, это вряд ли.

Все ж помнят, как отравился Яшка Вильковский пепси-колой на американской выставке в Сокольниках!

В общем, было седьмое ноября, собрали класс на демонстрацию, холодно, весело, песни вожатые затягивали хорошие, но скучные.

Сашка собрал в уголке маленькую компашку, в которую вошёл и я, и дурашливо затянул: «Боже, царя храни, сильный и славный, славься на славу, великий наш...», — в пределах того, что он запомнил из какого-то фильма.

Да и никто не знал, как дальше... Начало старого российско-го гимна спели ещё пару раз, попрыскали, — всё и забылось.

А через пару дней на дне рождения у дядьки Вольфа на Второй Тверской-Ямской — они занимали там две комнаты со своей женой тётёй Фирой, новорожденной Нелькой и тёти-фириным братом Сёмой — я с увлечением рассказал этот эпизод седовласому отцу одного из дядькиных приятелей, Григорию Исааковичу — как часть разговора на тему: чего читаешь, как учишься, как вообще молодёжь живёт... Да ещё с какими-то прибавлениями: дескать, пели мы с ребятами «крайне правые песни, такие как Боже царя храни», — всё смешалось в моей голове и душе, благодарных за внимание старого еврея с поразительно умным и грустным взглядом. Да и грушевый сидр, который наливали детям — мне, моей троюродной сестре Райке, каким-то родственникам тёти Фиры — наверное, подействовал. Опасный напиток, но такой вкусный!

А на следующий день...

В вечерний час, когда мой желудок уже готовился к приёму двух — хотелось бы трёх, да не давали — котлеток с гречневой кашей и солёным помидорчиком, в квартире раздался звонок, и все обнаружили неурочное появление дяди Вольфа.

В ответ на недоумённый вопрос бабки: «*Вус из гешейн**? Что-то с Фирочкой, Неличкой?», дядька в свою очередь спросил:

— И где этот?

* Что случилось? (идиш, искаженное)

Быстро раздевшись, Вольф вошёл в столовую — в ту минуту там была мать, вошедшая за Вольфом бабка, *этой*, то бишь я, и моя сестра Лялька.

Все мы недоумённо смотрели на Вольфа.

Он обратился ко мне, при этом я успел заметить, что лицо Вольфа, и так не больно весёлое, было испуганным и угрожающим одновременно.

— Что ты, кретин, вчера болтал там на Второй Тверской-Ямской?

— А что я болтал? Я ничего не болтал, — совершенно искренне не понимая сути претензии, пробормотал я, холодеющим нутром почувствовав нечто безнадежное, очень плохое.

— Вова, подожди, — сказала мама, — что он такое болтал? Я сидела рядом, он вёл себя, кажется, прилично, во всяком случае, старался не жрать, как свинья...

— Да, дядь Вов, — влезла, как всегда некстати, восьмилетняя Лялька, — Жорка с каким-то дядькой разговаривал, они всё смеялись. Он только потом, когда одевались на улицу, пукнул два раза... Ой, а может это я пукнула, я, честно, не помню!

— Да лучше бы он наклал посреди комнаты, дурак этот!

Ты зачем рассказал Григорию Исааковичу про какие-то там крайне правые песни, про то, что пели вы «Боже, царя храни» на Октябрьские праздники! Что за кретины у вас в классе собрались? Вам, что делать больше нечего, как только петь эту гадость? Ты этим ещё кому-нибудь хвастался, идиот паршивый? Мне, как Григорий Исаакович об этом рассказал, чуть плохо не стало. Он мне специально позвонил вчера вечером, говорит, я, Вов, немного беспокоюсь, мальчик у вас очень хороший, умный, начитанный, просто прелесть, а не парень, но надо ему немножко объяснить, о чём с незнакомыми можно говорить, а о чём нельзя. Ну, там и про все их песни...

Ты хоть знаешь, кто такой Григорий Исаакович, болван? Он же почётный чекист, служил в охране Максима Горького. Слава Богу, что он единственный, кто от тебя услышал эту чушь. Ты точно больше никому не рассказывал?

Бабка, которая всегда вставала на сторону любимого внука «Жорыни», вдруг схватилась двумя руками за голову, и из неё вырвалось что-то похожее на рыданье:

— Ой, *вейз мир*, он нас всех погубит! Я уже чувствую, что Вольфа могут попереть с работы, а этого — исключить со школы!

Тут надо сказать, что дядька пятнадцати лет отроду поступил на одно из чрезвычайно секретных предприятий в районе Отрадного, где пятьдесят шесть лет проработал технологом. Он был на таком хорошем счету, что уволиться смог лишь под восемьдесят, когда в «организации» оставались, в основном, такие же, как он, фанатики, жидко разбавленные молодыми специалистами-бедолагами, да еще «менеджерское» жульё, промышлявшее сдачей в аренду обширных бетонных сооружений.

От службы у дядьки остались малогабаритная квартира, ордена, медали и памятные знаки, как он говорил, плавно переходящие с груди на задницу, а также подарок коллектива на шестидесятилетие — выточенная из болванки хромированная ракета, внутри которой аккуратно поместилась только что появившаяся тогда трёхчетвертилитровая бутылка водки.

Дядька, не оставшись ужинать, погрозил кулаком племяннику и, что-то бормоча в ответ на причитания провожавшей его бабки, уехал к себе.

Я запомнил, что в этот вечер никто, никто, как бывало раньше, меня не пожалел.

Отец, которому мама рассказала о приходе дяди Вольфа, — а они весьма ощутимо недолюбливали друг друга — только сказал, что он давно знал, какой балбес его сын, и что надо бы его всё-таки выпороть, несмотря на то, что он, идиот, уже пытается бриться моей электробритвой.

Даже любящая меня до безумия младшая мамина сестра Галка только покачала головой, покрутила пальцем около виска, и просто сказала «мудило», невзирая на присутствие матери и бабушки.

И только Лялька, также для виду сурово и насуплено по примеру взрослых глядевшая на брата, когда мы остались

наедине, вздохнула, погладила меня по плечу и предложила сыграть в «города».

Долгие годы прошли с тех времён, а я иногда всё ещё вспоминаю и вновь переживаю эту кошмарную цепную реакцию своего страха и страха своих близких.

Но странно, со временем страх этот почему-то трансформировался у меня в ужасную неловкость: насчёт исполнения песен я всё придумал, не было никакого исполнения. Так... куплет спели, никто и не заметил. Слава Богу...

Помню, как я с некоторым удовольствием обратил внимание на то, как засмутился при словах дяди Карла о моей «пустоте» раньше мало обращавший внимание на племянника дядька, и с тех пор стали мы с Вольфом... ну, может, не друзьями, но всегдашними собеседниками. Причём могу заявить с некоей гордостью, что чем дальше, тем больше входил я в роль просветителя по части того, что ныне читают, смотрят, слушают...

2014

ПТИЦА-ЭЛЕКТРИЧКА

Стихотворение в прозе

То ни шатко — ни валко, то и в хвост — и в гриву перемещается по невесть кем проложенным рельсам электрический поезд, обозначенный в невесть каких нормативных бумагах «Россия-жизнь».

Какая станция начальная, какая конечная того пути... Не обозначены названия их на стендах, установленных на стойках и прикрученных к стенам помещений невесть где расположенных платформ и вокзалов.

Вот... мелькают за окнами поезда станции иных стран, захочешь посмотреть какие — поводи глазами по запылённым окнам, повезёт — прочитаешь.

Вот... сидят в поезде разные люди, кто с билетом, кто без него, смотрят в окна, читают газеты, слушают мобильные телефоны, надев наушники, кто-то тычет пальцами в клавиатуру.

А другие пассажиры «России-жизни» дремлют — кто уткнувшись спиной в угол между окном и спинкой скамейки, кто съехав вниз по сиденью и вытянув ноги вперёд.

Вот... сидит на скамейке девушка с электронной книгой, расположенной так, чтобы сидящий рядом с ней парень мог видеть колонтитулы страниц с фамилией модного автора «Владимир Сорокин». Понимает ли что-нибудь бедная девушка из тёмно-серого текста на светло-сером фоне, кроме матерных слов без отточий?

Вот... входит мужчина с внешностью завсегдагая барда Грушинского фестиваля авторской песни, но не гитара в руках его, а прозрачный прямоугольник, через который видно сидящим к нему лицом пассажирам нижнюю часть бородки и кадык на тощей шее.

«Все знают, как порой трудно подобрать нужный файл для хранения свидетельства о присвоении звания лауреа-

та Нобелевской премии, других важных документов, вроде квитанций об оплате услуг по опорожнению выгребной ямы на дачном участке. Решить этот вопрос можно легко, приобретя по эксклюзивной цене предлагаемый практичный пластиковый футляр формата А4...».

Вот... слышна из соседнего вагона неповторимая, как запах шашлыка в осеннем воздухе, *звукомасса* извлекаемая из гармонии; и вот уже в вагон входит цыганский мальчик с нахмуренным лицом и большими взрослыми руками.

Поёт он что-то *поблантеровски* тёплое, такое... такое... что хочется подпеть навсегда вросшие в душу слова или хотя бы слегка подмурлыкать, вызвав недоумённый взгляд соседа, а потом стыдливо поёрзать затекшим задом по сиденью.

Вот... проходят по поезду группы женщин дюжей полноты в форменной одежде с сумками-планшетами и хитрыми устройствами в руках; бывает, впрочем, появляются меж них и форменно одетые мужчины, почему-то, в основном, с усами.

Вот... тогда и выявляются хитрованы, кто до поры притворялся обилеченным, и бегут они в хаотично раздвигающиеся и сдвигающиеся двери, а когда их настигнут, объясняют, что кошелек забыли, а ехать надо, да контроль судьбы не обманешь...

Быстро летит поезд «Россия-жизнь», хоть и скрипуч, и трясок он; вот уже и станция без названия, конечная ли, пересадочная, а может, рельсы кончились, а может, сорвало ветром провода, и зацепился конец его за катящееся колесо и намотался на них провод, — хорошо, что пол вагонов линолеумный, и не пронзило никого колким электрическим током.

Вот... вагоны, громко вибрируя по ходу движения, наконец, останавливаются и затихают совсем. В динамиках поставленный женский голос объявляет *безназвание* конечной станции, а потом мужской, нахального тембра, добавляет:

«На станции идёт ремонт пешеходного моста, в конце платформ сделаны специальные помосты, не соскакивайте на пути...»

СОДЕРЖАНИЕ

И. Радчик, А. Дубиняк Сохранится память на годы	3
От редактора	8
Георгий Моверман О себе	9
Пишу, кормлюсь не этим.....	11

СТИХОТВОРЕНИЯ

Лирика

Бор в Мышкине: сухая чистота.....	15
Весенний романс	17
Девочка в очках	18
Заздравная	20
К уходу	22
Казачья баллада	23
Лоза на море вид не портит	25
Маленькое победоносное.....	27
На помосте	28
Так проходит слава	30
Царь Петр. Триптих	31
1. Приехал царь Петруша на Кукуй.....	31
2. Пригнувшись, Петр вошел в свою токарню	32
3. Хрипя, лежит Петр Алексеич на постели	33
Цыганский мальчик	35
Я не печатаюсь в реале	37
Боярышник растоптанный	40

Евангелие от Мартынова.....	43
Изнанка век — экран глазниц давно потухших.....	45
Нам суждено стать сорной дичью	46
Почему Создатель мне	47
Переезжаю в Кострому.....	49
В забытом приюте эпохи советской.....	50
След укуса	51
Топор	53
Часовенка души	54
ROUTE 66	55
Бескрылый пегас	57
Друзьям	58
Каждый жил, как он умеет	59
Могут ли от себя сбежать	60
Памяти Искандера.....	61
Год собаки	62
Костромские зори.....	64
Маленькая пьеса в стихах	65
О, этот профиль, нос с горбинкой.....	73
Почти притча	74
Рассвет в чужой квартире	76
Три оттенка серого	77
Что для счастья надо казаку?.....	79
Зима на земле костромской.....	80
История про Дракона и Геннадия	82
От Бульварного до Садового	84
Шаги весны	86

Бренчит без умолку осенний метроном	87
Уезжая из Костромы	88
...И не замкнешь	89
Моцарт и Сальери. Акт третий	90
Сизиф	91
Спрявление кривой	93

Иронические стихи и пародии

Depardieu en Saransk	94
«Импала»	96
Около Ф. М.	98
Похвала простоте	101
С новым годом, односайчане!	102
Бананье... ..	104
Неубиенный	106
Ода ratio	107
Очки	109
Пережитое	111
Рассказ Снежаны Карменко	113
Ремонт	115
Случай с пенсионером в околотке	116
Такие вот сиртаки	118
Шеститысячному неизвестному читателю	119
В поисках людей	120
Разговор на вокзале	121
Наш компас — реклама	123
Сослагательное наклонение	125

Переводы

Жизнь (с украинского)	127
Заснеженный Берн (с украинского)	128
Игривый Гулливер (с белорусского)	130
Как я тебя люблю? (с английского)	131
Песня о смерти (с украинского).....	132
Профессор (с французского)	134
Стихи про зеленого дракона (с украинского)	135
Туфелькин день (с украинского)	137
Ты жизнь моя, любовь (с украинского)	139
Хочу тебя (с болгарского)	140

РАССКАЗЫ И ФРАГМЕНТЫ НЕОКОНЧЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Возвращение	159
Первая рифма	174
Прозвище	181
В подъезде	190
Дела-делишки	194
Пустой парень	196
Птица-электричка	202

Мемориальное издание

Моверман Георгий Самуилович

(Лука Шувалов)

**ПРОЩАЙ,
СЕСТРИЦА КОСТРОМА**

Избранные стихи и рассказы

Компьютерная вёрстка и дизайн:

Катерина Баранова

Предпечатная подготовка:

Иван Плигин

Подписано в печать 11.03.2020.

Формат 60x84/16. Объём 12,09 усл. печ. л.

Печать цифровая. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000».

Тел. (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru